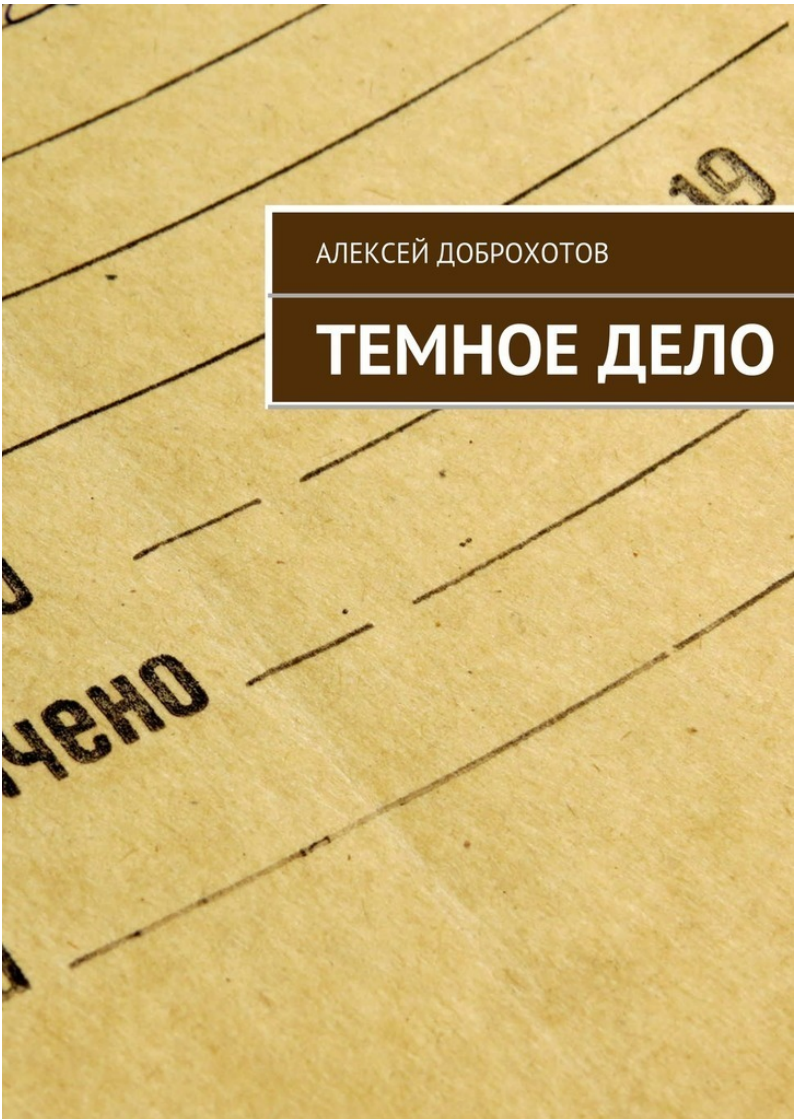
АЛЕКСЕЙ ДОБРОХОТОВ
ТЕМНОЕ ДЕЛО

Алексей Доброхотов
Темное Дело

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325174
ISBN 9785447472375

Аннотация

Что произойдет, если мелкий уголовник вдруг получит в свои руки способ манипулировать окружающими? Так ли мы самостоятельны в своих поступках? Всегда ли мы способны понять грань между реальностью и нашим представлением о ней? Об этом приключенческий роман Алексея Доброхотова «Темное Дело». Книга будет интересна и ценителям увлекательного, почти детективного сюжета, и тем, кто не прочь задуматься над извечными человеческими ценностями. Не обошлось, конечно, и без любви.

Содержание

Глава 1. АуЛоуДу 5
Глава 2. Вокзальный вор 15
Глава 3. Иван Моисеич 48
Глава 4. Общество больных 113
Конец ознакомительного фрагмента. 157

Темное Дело
Алексей Доброхотов

© Алексей Доброхотов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. АуЛоуДу

АуЛоуДу говорили, что это не самая хорошая планета, что есть значительно лучше и ближе.

АуЛоуДу предупреждали, что это планета заселена белковой субстанцией. Принять такую планету весьма ответственно. Информация инородной многоформатной сущности может перейти на другие планеты и, возможно, на него самого и тогда он не сможет быть тем, кем все привыкли его видеть.

АуЛоуДу советовали произвести сокращение или хотя бы перепрограммирование субстанции. Тогда перспектива обладания планетой приобретет гораздо более весомую значимость.

Но АуЛоуДу принял решение.

Он брал эту планету.

Он считал, что обладание пятью планетами увеличит его авторитет, и он сможет рассчитывать на вхождение в состав Совета.

Он полагал, что особенно не рискует, если сохранит новую планету в карантине до тех пор, пока полностью не убедится в ее безопасности.

Он надеялся, что наблюдение за иной формой жизни внесет некоторое разнообразие в устоявшиеся взаимосвязи, что само по себе представляет определенный интерес.

И, наконец, АуЛоуДу понравился ее цвет. Он не шел ни в какое сравнение с цветами других планет, хотя те значительно превосходили ее по другим параметрам: крупные, стабильные, богатые плотной ровной энергией, абсолютно надежные и расположенные сравнительно недалеко. Рядом с ними эта несравненно проигрывала, ибо находилась где-то на отшибе, была старой, холодной, да еще и с дополнительными проблемами. Правда, к ней в придачу шел спутник, практически еще одна маленькая планета. Его чистоту полностью гарантировали. По существу, АуЛоуДу брал две планеты вместо одной.

АуЛоуДу принял эту планету.

Ему сказали, что теперь, став новым хозяином, он может пригласить чистильщиков. Удалив лишнюю, чрезмерно плотную часть белковой субстанции, начавшую уничтожать запасы планетарных запасов, он на некоторое время сможет сдерживать ее рост и быть совершенно спокоен как за себя, так и за судьбу своего нового приобретения. Именно так в свое время поступил прежний владелец, сначала существенно понизив температуру среды обитания, а затем смыв лишнюю массу большими потоками воды в изобилии там присутствующей.

Ему сообщили, что если АуЛоуДу не нравятся крайние меры, то он может попытаться направить хаотичное разрастание этой формы на образование иной информации. Такие опыты также уже проводились, и определенные обна-

деживающие результаты в некоторых местах, на сравнительно непродолжительное время, достигались.

Его предупредили, что разрастающаяся сущность, исчерпав запасы поверхностных источников, в скором времени сможет добраться до энергии атома и, в свойственной ей разрушительной манере, уничтожить не только саму планету, но, заодно, и нарушить устоявшееся равновесие в этой части Вселенной. За это Совет выскажет справедливое порицание и, возможно, возложит на него обязанность восстановить и восполнить как общий недостаток законсервированной энергии, так и существенное сокращение многообразия форм жизни. А это уже будут затраты гораздо более значительные, чем приобретение новой планеты и проведение на ней профилактических мероприятий.

Ему посоветовали не откладывать на долгое время решение этого вопроса.

В конце концов, сказали, теперь это его планета и он может делать с ней все, что угодно, в разумных, конечно, пределах.

АуЛоуДу понимал, что терять планету жалко и не разумно, особенно учитывая все те преимущества, что дает ее обладателю…

АуЛоуДу осознавал, что новая планета является своего рода исключительной по наличию на ней особой формы жизни…

АуЛоуДу не торопился принимать окончательное реше-

ние…

Для начала АуЛоуДу направил на планету поток сознания. Однако, планета проглотила его, словно песок воду, едва вздрогнув сводами каменных недр.

Тогда АуЛоуДу сформировал послание отдельной части белковой субстанции. Но ожидаемой ответной реакции снова не получил. Та не выдержала объема обрушившейся на нее информации и распалась. Ее неспособность к восприятию столь незначительного объема тонкой энергии удивила АуЛоуДу, и ему пришлось следующее свое послание уплотнить в отдельный энергетический сгусток относительно устойчивой формы. Тот вскоре вернулся, и принес подробные сведения о форме жизни, населяющей планету.

Он сообщил, что субстанция состоит из многообразных белковых образований, формирующих различные тела обитающих там существ. Жизнь тела, как правило, зависит от энергии других тел, более слабых. Процесс поглощения происходит через механическое измельчение и последующее кислотное растворение. Выделенные таким образом элементы идут на восстановление структуры тела и поддержание внутреннего энергетического баланса. Поэтому основная цель жизни заключается в поглощении как можно большего количества других тел. Отсюда жизнь тела непродолжительна. Как только оно ослабевает, так тут же становится питательной массой.

Наиболее развитой формой является человек. Он луч-

ше организован и потому подчинил своему влиянию другие существующие там формы. Им населена практически вся свободная от воды территория планеты. Его тело состоит из мелких структурированных ячеек. Их управляющий центр находится в округлом отростке – голове. В соединительном участке между телом и головой имеется модулятор звуковых сигналов. Посредством его происходит процесс общения между отдельными особями. Кроме того человек используют графические способы коммуникации или письменность. Звуковые сигналы изображаются в виде условных символов, те наносятся на различные предметы. Так передается информация больше не зависящая от жизни образовавшего её человека. Будучи оформлена специальным образом в книги, она способна оказывать некоторое влияние на программу поведения и, даже иногда отвлекать человека от выполнения основной функции – поглощения других существ. Изменить эту функцию чрезвычайно сложно, так как она заложена в самой основе белковой жизни. Для ее преодоления необходимо переместить потребность поглощения других тел на второй уровень, определив в качестве основной задачи – непосредственное восприятие более энергетически емкой тонкой энергии, что с неизбежностью повлечет за собой перестройку способности ее отражения. Но именно это сможет направить человека не на разрушение, а на созидание иных форм, что позволит ему приблизиться к живительному источнику силы всенаполняющего

вселенского потока.

Без одухотворяющего влияния высшей силы, человек представляет собой неустойчивую, слаборазвитую, жидкостную субстанцию, подверженную многочисленным случайностям и факторам среды обитания. Ощущая слабость и нестабильность свой формы, он пытается механически восполнить недостаток силы за счет простых элементов, грубо и примитивно извлекая из них неконтролируемые выбросы грубой энергии. Однако это не придает человеку нового качества, и довлеющая над ним белковая сущность не позволяет распыленную по многочисленным ячейкам живительную силу вознести до высот, хотя бы, планетарного уровня.

Определив основные принципы существования субстанции, и обретя соответствующую человеку форму, посланец начал было осуществлять воздействие на программу людей, обитающих на отдельной территории, склоняя их к необходимости выработки спасительной для них иной информации. Но те слишком агрессивно восприняли его миссию и приколотили гвоздями к деревянной крестообразной конструкции, подвергнув до этого отрицанию все направленные на них усилия. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться, оставив послание, где в наиболее понятной для них форме он изложил суть обращенного к ним нового правила жизни.

В заключение посланец добавил, что различные способы коммуникации и последствия предыдущих аналогичных мис-

сий, явные следы которых он обнаружил в многочисленных книгах, пробудили, по его мнению, в человеке сознание, способное при наличии определенной воли воспринимать силу всенаполняющего вселенского потока в объеме достаточном для того, чтобы оторваться от довлеющей над ним агрессивной сущности.

АуЛоуДу воспринял поступившую информацию, отразил ее, преобразовал в форму исследователя и снова направил на планету, снарядив специальным манипулятором, позволяющим более эффективно и жестко влиять на программу поведения человека.

АуЛоуДу предположил, что если способность отражения внешнего мира образовала в человеке некое подобие сознания, то примитивная агрессивная сущность породившей его субстанции, доведенная до крайней степени проявления и обращенная против него самого, должна будет пробудить потребность поиска альтернативного способа бытия, что с неизбежностью должно привести к пониманию необходимости отражения тонкой энергии высокой духовной сущности.

Вернувшись, посланец сообщил, что, прибыв на планету, он принял человеческий облик, разместил манипулятор в голове, и приступил к выполнению возложенной на него миссии. Последовательно он запустил три программы активизации.

Первая исходила из того, что люди, расселенные по по-

верхности суши многочисленными колониями в зависимости от плотности населения и своей внутренней организованности, с различной интенсивностью потребляли энергетические ресурсы планеты. Чем выше степень потребления, тем большие ресурсы и с большей интенсивностью охватывались этой колонией и тем сильнее она становится в сравнении с другими. Это позволило столкнуть между собой различные колонии или страны, при этом, настолько успешно, что общая численность человеческой массы быстро пошла на убыль.

Вторая основывалась на том, что сама питательная среда неоднородно распределена внутри каждой колонии. Под контролем одних находилось больше энергетических ресурсов, чем в обладании других. Такое положение он предложил считать неправильным. Источники питания должны распределяться между всеми равномерно, независимо ни от чего. Для равного участия в потреблении бедные должны организоваться против богатых, отнять у них энергетические ресурсы и разделить их между собой, сделав всех одинаково обеспеченными. А так как делиться добровольно никто из богатых не хотел, то крайние проявления различных позиций быстро охватили половину планеты.

В различных странах процесс реализации второй программы стал складываться по-разному. В одних, более организованной массе богатых удавалось преодолеть притязания бедных, в других наоборот. В третьих, он вообще

не смог запуститься. Главным препятствием оказалась инертная и подавляющая по своей численности среда тех, что не могли отнести себя ни к первой группе, ни ко второй. Гораздо проще оказалось сталкивать друг с другом однородные массы тождественных единиц, объединенных в одну нацию. На чем и была основана третья программа.

Она закладывала в избранные группы людей идею их исключительности и особого предназначения, в то время как их жизненное пространство необоснованно занимали низшие и примитивные. Тотальное уничтожение инородных и инакомыслящих довело внутреннюю агрессию до наивысшей степени проявления. Огромная масса людей начисто стерлась с лица планеты, существенно сократив общую численность населения. Процесс стал выходить из под контроля. Два крупных поселения смели энергией расщепленного атомного ядра. Это уже грозило целостности планеты в целом. Необходимо было что-то предпринять. Но произошло непредвиденное.

Ночью посланник летел в металлической оболочке для механического перемещения тела над той частью территории, что носила называние Россия. Он намеревался снять действие второй программы, оказавшейся наиболее результативной, и потому, опасной для существования планеты в целом. И в этот ответственный момент на него из глубины облаков на огромной скорости налетел другой летательный аппарат, управляемый особью, одурманенной спиртны-

ми парами. Произошел взрыв. В результате он, посланник, потерял голову. Обломки металлических оболочек разбросало по большой территории. Часть упала на несколько поселений. Оказавшись на земле, он восстановил свою форму, но манипулятор обнаружить не смог.

Поэтому завершить действие второй программы полностью ему не удалось. Он ограничился лишь тем, что прекратил жизненные функции наиболее активных лидеров и вернулся, с тем, чтобы сообщить обо всем и получить должную оценку.

На этом, отчет заканчивался.

АуЛоуДу погрузился в размышления относительно того, насколько допустимым является его вмешательство, а ожидания – оправданными.

Глава 2. Вокзальный вор

В начале мая 1955 года майданщик Тишка, по паспорту Тимофей Семенович Заикин, 32 лет от роду, ранее судимый, будучи в Ленинграде, украл у одного истомленного дорогой господина обшарпанный коричневый чемодан. Запершись в вонючей кабинке привокзального туалета, он вскрыл его и обнаружил среди груды несвежего белья деревянную коробочку желтого цвета. В ней на бархатной синей подкладке хранилось нечто твердое напоминающее по форме мелкое куриное яйцо. Оно таинственно мерцало истекающей из самой глубины голубоватой дымкой и совершенно поразило его воображение. Пока он думал, что бы это могло быть и как этим правильнее всего следует воспользоваться, в дверь кабинки решительно постучали и твердый, привыкший отдавать властные распоряжения, голос потребовал выйти.

Тишка быстро засунул яйцеобразное нечто в карман брюк, наспех закрыл чемодан, и открыл дверь.

– Вот он! – тут же раздался вскрик господина в черном пальто, и в плечо Тишки впились пальцы мордатого милиционера.

– Это не мое! – взвизгнул воришка, отбрасывая от себя чемодан, – Я его тут нашел. Он тут стоял у толчка. Я его сдать хотел… в эту… в милицию. Мамой клянусь!

– Ага, попался! Это мой чемодан. Товарищи, он украл

у меня чемодан. Он вор, – господин в пальто подхватил свою собственность, привычным движением откинул крышку, молниеносно достал деревянную коробочку, встряхнул, открыл и охнул, – Где?.. Где!.. Здесь лежало… Где?!..

Тишка отрицательно мотнул головой, мол, не знаю, это не я, а про себя подумал: «Все, спекся. Застукали». И ринулся напролом:

– Не виноватый я, гражданина начальник. Граждане, невиноватого схватили. Не я это. Не мое. Оно тут стояло. Не брал я ничего, мамой клянусь, гражданин начальник. Граждане дорогие, не допустите несправедливости. Завиноватить хотят. Ошибается, товарищ. Он его тут забыл. Бросил, а на меня гонит. Не брал я ничего. Врет он.

– Где? Где – то, что лежало тут? – напирал потерпевший, – Где?.. Отвечай!

– Не знаю я ни чего. Поклеп это. Напраслину на меня наводите. По нужде я зашел, а он тут стоит. Сам его тут оставил. Я зашел, а он стоит. Я и знать ничего не знаю. Думаю, забыл кто. Хотел в милицию отнести. Не брал я его. Не знаю ничего. Невиноватый не в чем. По нужде зашел, – тараторил Тишка.

– А ну, посмотрим, – сказал милиционер, притягивая к себе задержанного с явным намерением облазать его карманы.

– Ой, плохо мне, чей-то, братцы. Ой, граждане дорогие, плохо. Больной я. Живот у меня… хвораю…, – взмолился тот, перегнулся пополам, одной рукой схватился за пу-

зо, а другой быстро юркнул в карман, намереваясь сбросить улику на пол. Но бдительный милиционер тут же блокировал его движение.

– Меня, гад, не проведешь, – злорадно осклабился он.

– Не брал. Не знаю. Не виноват. Больной. Чемодан тут стоял… – пролепетал Тишка, – Ой, плохо мне, братцы, тошнит…

– В кармане оно у него, в кармане, – озарило обворованного в пальто, все еще потрясающего пустой коробочкой.

– Щас блевану, – возопил Тишка, и издал утробный убедительный звук, моментально возымевший определенное действие на окружающих, особенно на милиционера, ибо тот, несмотря на повседневную работу с отбросами общества, явно не имел желания марать свое форменное обмундирование.

Воспользовавшись ослабшей хваткой, воришка молниеносно отправил подлую вещицу из кармана себе в рот, справедливо рассудив, что только таким способом сможет избавиться от обременяющей его улики. Вряд ли у кого появиться желание извлекать её из глубин канализации. Однако, этот маневр не ускользнул от внимания возбужденного потерпевшего.

– Он у него, – закричал тот, – Я видел. Он его в рот сунул. Ворюга.

Милиционер вновь мертво вцепился в Тишку, и тому ничего больше не оставалось, как проглотить проклятое яйцо,

несмотря на всю неприятность прохождения твердого не разжеванного предмета через узкое горло. Но что не вытерпишь ради свободы, век бы ее не покидать. Произведя натруженное глотательное движение, Тишка дернулся, обмяк и осел на пол.

– Проглотил, – обреченно выдохнул хозяин чемодана, – Сволочь какая. Товарищи, он его проглотил. Он его проглотил, скотина. Убью!

– В отделение, – резко скомандовал милиционер, осадив разбушевавшегося хозяина содержимого деревянной коробочки – Понятые, пройдите за мной. И вы, то же, – указал потерпевшему, – Там разберемся.

* * *

В линейном отделении милиции, куда вскоре Тишку доставили в сопровождении милиционера, бдительных граждан и разгневанного хозяина чемодана, при обыске у его обнаружили вагонный ключ, довольно крупную сумму денег, женские ювелирные украшения в виде витой цепочки, брошки, серег и колечка желтого металла с белыми камнями, предположительно – бриллиантами от трех до десяти карат. На вопрос чье и откуда задержанный категорически заявил, что все принадлежит лично ему и куплено на трудовые доходы, что он приехал в город жениться, и просит не марать грязными предположениями подарки его невесты. Вел

он себя нагло и вызывающе, как и положено, по его представлению, несправедливо оклеветанному добропорядочному гражданину, хотя внутренне, понимал всю тщетность эмоционального сопротивления бездушной машине карающего правосудия.

По настоянию потерпевшей стороны, к этому времени обозначенной в протоколе товарищем инженером Лыковым К. П., приглашенные медицинские работники, произвели необходимые чревопромывочные процедуры. Положительного результата они не дали, зато предоставили Тишке возможность затопить тихую атмосферу дежурной части неимоверными визгами, стонами и возмущениями.

– Выйдет естественным путем, – Заключил седовласый врач, скорой медицинской помощи, – Видимо, если что и было, то оно прошло дальше, в кишечник. Ждите. Если, конечно, оно там есть.

– Вскрытие. Надо делать вскрытие. Надо отправить его в больницу и сделать вскрытие. Неизвестно, что с ним теперь будет. У него может быть закупорка кишок, – напирал разгоряченный инженер.

– Я ничего, простите, не просматриваю, – возразил доктор, – Я не могу утверждать, что оно там есть. Но не могу утверждать и обратного. Не беспокойтесь, организм прекрасно справляется с подобными неприятностями. Или он его переварит, или вытолкнет, или это проявит себя иначе. Вы же сами убедились, что в желудке ничего нет.

– Это черт знает что такое! Оно твердое. Оно не могло перевариться. Оно не может перевариться. Оно должно хорошо просматриваться, как камень, – не унимался обворованный Лыков.

– Не спорьте со мной. Я не первый год в медицине и прекрасно могу различить, когда человек глотает камень, а когда что-нибудь иное, – возмутился эскулап.

– Что значит иное? – воскликнул потерпевшей.

– Я имею в виду растворяющееся, так сказать, усваиваемое естественным порядком – уточнил врач.

– Оно не растворимо. Оно не может быть растворимо. Я проверял. Я воздействовал на него кислотами. Оно неизвестно вообще, что такое. Возможно, оно вообще неземного происхождения. Возможно это – осколок метеорита. Если бы вы его видели, у вас не осталось бы ни малейших сомнений! Возможно, это имеет огромную научную ценность. Это таинственное нечто вообще неизвестно как может воздействовать на организм человека. Если бы вы только имели возможность, хотя бы один раз увидеть это, вы бы не стали вести себя столь равнодушно, – заключил инженер Лыков.

– Вот и прекрасно, – насупился доктор, – Вы имеете возможность произвести наблюдение. Можете, так сказать, поставить эксперимент. Я же, простите, ничего больше сделать не могу. Тем более, что я, как вы утверждаете, этого не видел. Если бы я его хотя бы имел возможность прощупать. Но я, простите, ничего не прощупал. Твердый предмет, как

вы сказали, такой величины не может не прощупываться. Как я могу утверждать, что он там есть? Ждите. Наблюдайте. Если хотите, ставьте ему клизмы. Но больше я ничего вам порекомендовать не могу.

– Что же это вы, товарищ, такую ценность обычным багажом возите, – вмешался дежурный офицер, оформляющий материал по задержанию Тишки.

– Я обнаружил его случайно. Практически в последний день, – пояснил Лыков, – Можно сказать, выменял на кусок хлеба. На базаре. Откуда оно взялось у того, кто мне его отдал, простите, – понятия не имею. Он утверждал, что нашел. Я вез его в институт для исследований. Вы понимаете? Мы же еще ничего об этом не знаем. Это же уникальная научная находка.

– Остается только сожалеть, относительно вашей утраты, но, надеюсь, все обойдется. Ставьте промывочные клизмы утром, днем и вечером и максимум через два дня все станет ясно. Желаю, вам, всего хорошего, – закончил врач, собирая свой нехитрый медицинский реквизит, – Надеюсь, ваша находка скоро себя покажет. До свиданья, – он поднялся и направился к выходу, – Если пациенту станет, вдруг, плохо, немедленно вызывайте.

* * *

Рекомендации доброго доктора относительно регулярной

клизмы пришлись по душе незлобивым сотрудникам правопорядка, изнывающим под спудом серых милицейских будней. Их старинные примитивные методы физического выбивания показаний с помощью кулака просто померкли перед перспективностью идеи промывания мозгов посредством гибкого шланга. Тем более, что того требовали законы высшего гуманизма, ибо проведение данного мероприятия диктовалось, прежде всего, медицинскими показаниями. Поэтому, весь наличный личный состав линейного отделения милиции принял активное и посильное участие в спасении здоровья пострадавшего гражданина, тем более, что обстоятельства требовали возвращения государству уникальной научной находки, по заверениям инженера Лыкова.

Мелкий залетный майданщик упорным отрицанием своей причастности к краже государственного имущества только усугублял свое незавидное положение. Воодушевленные простотой нового подхода в установлении истины по делу доблестные слуги Фемиды незамедлительно доставили из соседней поликлиники опытную процедурную сестру. Сразу по прибытии она не замедлила приступить к исполнению своих служебных обязанностей и с Тишкой особенно не церемонилась. Оказываемая ею врачебная помощь напоминала скорее изощренную экзекуцию, чем мероприятие лечебного назначения. Для начала, по настоянию дежурного офицера, она вкачала ему внутрь ведро мыльного раствора, после чего Тишка готов был поклясться в чем угодно и под-

писать любые признания. Но, как известно, истинная правда является таковой, только если она выстрадана по-настоящему. Поэтому к подписанию признательного протокола его допустили только после третьего вливания, когда под давлением очистительного потока его ослабевшее сознание прояснилось едкими парами нашатырного спирта.

Однако, если блюстители общественного порядка и нравственности результатами нового метода остались вполне довольны, то инженер Лыков продолжал нервничать. Осматривая третье ведро с содержимым Тишкиного чрева, он не находил в нем того, ради чего принимал на себя такие страдания.

– Я требую продолжения процедур, – заявил он.

– До утра больше нельзя, – возразила усатая медсестра, сворачивая длинный резиновый шланг, – Бесполезно. Все равно ничего не выйдет.

– Нет, я требую, – настаивал инженер.

– Гражданин, вам же сказали нельзя, – благодушно произнес дежурный офицер, подкалывая Тишкины признания к протоколу задержания, – И к тому же бесполезно. И к тому же посторонним тут не место. И к тому же… идите отдыхать. До свиданья, гражданин Лыков. Если что будет, не волнуйтесь, мы подберем. Теперь он от нас никуда не денется, – и, обращаясь уже к Тишке, погрозил коротким волосатым пальцем, – Что бы к утру яйцо снес, петух, мать твою…

* * *

До утра Тишку определили под постоянное наблюдение в «аквариум» или «обезьянник», угол комнаты, специально отгороженный решеткой от дежурного, куда помещают свежезадержанных мелких правонарушителей. Дабы втихую он ничего не смог учинить, его руки сковали наручниками. На случай острой надобности в углу поместили приемистую парашу.

Несмотря на все уговоры и увещевания инженер Лыков остался на ночь в отделении производить наблюдения. Он устроился на скамейке прямо напротив «аквариума» и пристально наблюдал за своим недругом, стараясь не упустить ни одного странного проявления в поведении или, быть может, физиологии, потому как, заключил он, если случиться страшное, то всем может не поздоровиться. На что вновь заступивший дежурный по отделению, войдя в курс дела, сурово заметил: «Ничего. Если превратиться в черта, я его сразу пристрелю».

Приближалась полночь. В «аквариуме» от количества задержанных бродяг и алкоголиков становилось все теснее. Руки у Тишки затекли. Нестерпимо хотелось спать. Невероятная слабость после утомительных процедур буквально сваливала с ног. Он то и дело проваливался в какой-то полубредовый туман, полуобморок или полусон, откуда его грубо выдергивали окрики инженера и стакан холодной сырой

воды.

И в то время, когда силы, казалось, полностью покинули изможденное тело, внутри у него стало происходить что-то странное. Голова стала медленно наполняться свинцовой тяжестью. Она наливалась ею словно воздушный шарик водой и, казалось, также неимоверно увеличивалась в размерах, пока не стала совсем, как у лошади. Он даже удивился тому, что такая большая голова может так легко сидеть на его тонкой шее и не причинять при этом никаких неудобств. Но потом испугался, что теперь его будут показывать как урода и никогда больше не выпустят из клетки, а то и того хуже просто забьют. Если не менты, то псы, а не псы, так свои же зека, за уродство и не похожесть на человека. А если и не забьют, то сильно надругаются. Определят петухом на пятак, и кобылка будет ржать над ним по всякому поводу. В любом случае, с такой башней не видать больше ни скрипа, ни фарта. Одним словом – хана. И быть ему вшивкой, ходить по майдану, да клянчить мандро. И старухи с сопливыми пацанами станут кидать в него слюнявые огрызки. Лучше удавиться, чем так жить.

И в этот момент, когда он почти похоронил себя, его огромную голову едва не разорвал многотональный поток звуков, стремительно влетевший в нее откуда-то снаружи и вместе с тем возникший как бы изнутри его самого, снизу из самой середины живота. Словно кто-то включил рубильник и разом загомонил ранее хоронившейся в темноте

огромный базар. Тысячи криков зазвенели внутри нестерпимым гулом тысяч репродукторов. Но он слышал и воспринимал их не ухом, а всем своим существом. Они кружились безумным водоворотом, лопались миллионами мыльных пузырьков, напирали, уплотнялись и вибрировали гудящим ульем готовым взорваться и разметать на мелкие части тесное костяное пространство.

Тишка обхватил голову руками, застонал и опрокинулся на пол.

– Ой, мамочки, башня мая, башня… Ой, сейчас взорвусь, – истошно заорал он. – Ой, спасите, помогите. Ой, не могу терпеть. Ой, кончайте меня мучить.

– Что? Что случилось? – встрепенулся инженер – Сходить хочешь, да? Приперло? Гена, – крикнул дежурному, – Этот сходить хочет. Слышь. Парашу давай.

– Ну, и давай, если пора, – усмехнулся Гена, тот, с кем до этого инженер добрых часа два непринужденно почти по-приятельски беседовал на разные темы.

– Как это давай? – изумился потерпевший.

– Тебе надо, ты и давай. Подставляй, если надо, – пояснил дежурный.

– Гена, это же государственное дело, – возмутился Лыков, – От этого может быть зависит будущее отечественной науки.

– У нас каждый занимается своим делом. Мое дело жуликов ловить, а не по горшкам их рассаживать. Тебе надо, вот,

ты и… вообще, сам понимаешь.

– Да я… да, как я… я же не могу… – развел руками растерянный инженер.

– Ладно, – великодушно смягчился милиционер. На его долю выпало не так много развлечений в этом необычном деле и, мелко подкалывая утомленного интеллигента, он явно наверстывал упущенное, – Пеликанов! – зычно скомандовал в глубину аквариума, обращаясь к одному из задержанных, – Пеликанов!

– Я, гражданин начальник, – отозвался из темноты сиплый, прокуренный голос.

– Пеликанов, видишь этого урка?

– Давно смердит, падла.

– Возьми парашу и размести в ней его задницу, понял? Не забудь штаны снять.

– Я тебе что, придурок, что б литерить?

– Не понял! Ты понял, что я тебе сказал? Выполняй. Быстро. Без разговоров. Я тебе, Пеликанов… – пригрозил он массивным кулаком, – Ты меня знаешь.

Шваркнуло жестяное дно по бетонному полу. Тишку грубо подхватили, приподняли, сдернули штаны и воткнули голым задом в обгаженное ведро.

Тем временем невнятные, клокочущие, бессистемные, бессвязные, разноголосые звуки, переполнявшие его несчастную голову, постепенно стали вытягиваться, округляться, вычленяться из общего хаоса в отдельные слова, ед-

ва различимые, странные, пугающие, бестолковые и, вдруг, ставшие неожиданно понятными, даже обидными, словно обращенными к нему лично и по поводу его унизительного положения. Медленно они выстраивались в отдельные фразы, в основном ненормативного содержания, словно множество обиженных кем-то одновременно сетовали на свою судьбу, обстоятельства и злых людей, не дающих житья и прохода. И хотя основная их часть явно адресовалась непосредственно ему, нахально рассевшемуся здесь петуху, своими заморочками отрывающему добрых людей от их глубокомысленных занятий, он на них не обиделся. Скорее изумился и остолбенел, словно каменное изваяние, намертво приросшее к своему постаменту. Он ощущал себя радиоприемником на круглой батарее, мембраной гигантского репродуктора вместо мозга, исполняющего все трансляции одновременно. Скворечником, заполненным крикливыми гномами, без конца бранящимися и ворчащими.

– Вот, тебе, бабушка, и щучий хвост, – простонал Тишка, уткнувшись горячим лбом в холодные прутья решетки.

По другую её сторону прямо перед ним склонился инженер, прислушивающийся к каждому исходящему звуку.

– Готово? – обрадовался он.

«Только бы получилось… Сил моих больше нет. Просто тошнит от этих уродов. Поскорее бы все кончилось. Боже, как хочется домой. К Маше. Милая моя Маша… Как я устал…», – зазвучал внутри новый голос и Тишка, вдруг,

понял, что он каким-то неведомым образом слышит мысли этого самого нависшего над ним терпилы.

– Ну, что? Сделал? – поинтересовался тот.

«Да пошел ты… козел драный», – в ответ подумал про себя Тишка и изумился тому, как инженер мгновенно отпрянул назад, словно ошпаренный кипятком.

«Что это?!» – воскликнул внутри голос, – «Что это было? Кто это сказал?»

Тишка не мог и не любил вдаваться в дискуссии, впадать в рассуждения или утомлять свой маленький мозг, дохлой рефлексией по поводу различных жизненных обстоятельств. Он следовал проторенной дорогой потребностей своего организма, употреблял простые фразеологические обороты с понятными физиологическими категориями. Мир всегда представлялся ему черно-белым, а происходящие в нем события – плохими или хорошими, в зависимости от того, каким боком они к нему поворачивались. И сейчас, утомленный всеми неприятными перипетиями дня, ошарашенный непонятными внутренними процессами, раздавленный невероятным потоком информации, он просто хотел разом покончить со всем, все прекратить, воткнуться головой подушку и уснуть. Просто лечь и уснуть. И все…

«Достал ты меня, фрайер, – простонал про себя Тишка, – Что буркалы вывалил? Ежа проглотил? Не дави ливер. Отвали…».

Инженер ошалело замер на месте, словно пригвожденный

к столу, возле которого остановился, не в силах произнести ни слова.

«Этого не может быть. Этого просто не может быть. Этого никак не может быть. Этого никогда не может быть, – забарабанил внутри голос, – Боже, я, кажется, начинаю сходить с ума. Нет, я просто сильно устал. Это мне только кажется… Это… галлюцинация. Это от переутомления. Главное не волноваться. Главное успокоиться. Сесть и успокоиться, – он охватил голову руками, сел на стул, перевел дыхание, – Все. Теперь все должно кончиться».

Лыков всегда считал себя человеком образованным, рассудительным и упорным, особенно если дело касалось науки. Он достаточно быстро оправился от первого потрясения и невероятная догадка относительно того, откуда на него повеял дух парадокса, потрясла его своей феноменальностью.

«Неужели оно проявилось… – воскликнул он про себя, – Неужели у него открылась способность слышать мои мысли? Неужели он может проводить телепатический сеанс? Сейчас, только что, он провел телепатический сеанс. Он ясно и отчетливо мысленно ответил на мой вопрос. Он мысленно ответил мне, и я отчетливо его слышал. Это невероятно. Это феноменально. Это просто непостижимо. Это же огромное научное открытие… Следовательно, этот предмет, помещенный внутрь, способен вызывать телепатические способности».

Инженер снова вплотную придвинулся к Тишке и, глядя

ему прямо в глаза, мысленно обратился:

«Как ты себя чувствуешь? Что ты думаешь о том, что с тобой происходит?»

«Не шеруди рогами, придурок. Отвали», – резко ответил ему реципиент и поразился тому, как радостно просияло лицо ненавистного терпилы.

«Значит, я прав. Значит, это твои мысли звучат в моей голове! Ты можешь читать мои мысли. Ты можешь передавать мне свои мысли. Ты понимаешь, о чем я думаю. Мы можем мысленно общаться друг другом, понимать друг друга. Это невероятная удача. Ты понимаешь, что тут произошло? Это же величайшее научное открытие. Ты понимаешь это или нет? Скажи мне еще что-нибудь. Скажи, пошли меня куда-нибудь, выругайся, в конце концов, только не молчи, только подтверди, что именно я с тобой разговариваю».

Но, другое занимало теперь Тишку. Неведомая сила, неизвестно откуда исходящая, стала медленно согревать изнутри, расти и крепнуть, охватывая все его меленькое существо чувством невероятного подъема, некой расширенности, наполненной плотной энергией легкости и свободы. Под воздействием этого теплого потока раздирающие голову невыносимые звуки заметно приглушились, округлились и свернулись в плотный многоголосый шар, из которого словно иглы продолжали топорщиться только настырные мысли инженера Лыкова, сверлившего его своими круглыми, внимательными глазами. Они царапали воспаленный до крови мозг,

перекрывая собой все остальное. Тишке даже показалось, что если прекратить их, то сразу станет значительно легче, нестерпимая боль, разрывающая голову, стихнет, и настанет то долгожданное упокоение, то, единственно чего он желал больше всего и к чему в этот момент стремился.

«Эй, ты слышишь меня, не молчи, ответить мне. Прав ли я? Поговори со мной, – наседал его надоедливый внутренний голос. – Не сиди молча. Ответь что-нибудь».

«Да, издохни ты, сволочь!» – выпалил в ответ Тишка от всего сердца и из последних сил.

Инженер замер на миг с восторженно детской улыбкой на устах и рухнул на пол словно подкошенный.

– Что это с ним? – кивнул в его сторону дежурный по отделению.

– А хрен, его знает, – ответил постовой милиционер.

– Посмотри.

Служивый лениво поднялся с лавочки, подошел к телу потерпевшего, склонился над ним, потрогал для порядка за плечо, приложил палец к шее.

– Помер, кажись.

– Это… То есть, как помер? – удивился дежурный.

– А хрен его знает.

– Ни хрена себе компот. – Дежурный подскочил к телу инженера, перевернул его на спину, пошлепал по щекам, – Эй, друг, кончай прикидываться. Вставай, – приложил руку к яремной вене, закрыл веки, встал, – Точно. Откинулся. Во,

влипли… Вызывай скорую.

* * *

За суматохой, поднявшейся вокруг тела потерпевшего новопреставленного инженера, все как-то забыли о Тишке. Тот, по-прежнему, воткнувшись лбом в металлические прутья решетки, восседал на грязной параше, переживая тем временем полное перерождение своего мировосприятия.

Человек всю жизнь проживший один в тесноте темного подземелья и внезапно оказавшийся в солнечный полдень посреди шумной городской площади выглядел бы гораздо менее потрясенным, чем Тишка, на которого разом обрушились все мысли, звуки и запахи, исходящие от этого мира.

Его отравленный алкоголем мозг не в силах был совладать с таким неимоверным объемом информации. Задыхаясь от умопомрачительной вони, словно безумный, зажав ладонями уши, он раскачивался из стороны в сторону, пытаясь собственными завываниями заглушить раздирающий рев паровозных гудков, оглушающий грохот вагонных сцепок, всепроникающий гвалт городских улиц, топот сапог и гомон неисчислимого множества голосов.

– Начальник, у этого чмурика крыша поехала.

– Прикидывается.

– Уже час воет, падла.

– А тебе что?

– А мне что? Тебе отвечать.

– Видать пробрало клистиром. Доктор, не посмотрите задержанного?

– Да он, вроде, не в себе. Эй, товарищ! Смотрим на мою руку. Странно. Не реагирует. Эй, товарищ, что с вами? Покажите язык… Следите за зеркальцем… Он не реагирует. Это, простите, не моя специальность. Вызывайте психиатров. Похоже, что он сильно не в себе. И снимите его, наконец, с ведра.

– Пеликанов! Слышал, что сказал доктор? Ты, почему до сих пор с параши его не снял? Ты, что Пеликанов?!

– А я что? Что, я? Почему сразу Пеликанов? Я тут при чем? Сами велели!..

– Разговорчики, Пеликанов. Выполнять. Ты, слышал, что я сказал? Это он что у тебе уже два часа на параше сидит?

– Уже снял, начальник.

– Вот оттого, верно, и не в себе, товарищ. Это же, простите, мучительно, столько просидеть на ведре. Видимо, даже больно. Нормальный человек к этому не приспособлен.

– Ах, ты, гад, Пеликанов. Ты же его замучил.

– Да вы что, начальник. Причем тут я?

– Пока мы тут работали, не покладая рук, ты, фашист, его истязал? Концлагерь устроил!?

– Да не я это. Не мое это. Я тут при чем?

– Разговорчики. Штаны одень. Что это он у тебя такой весь скукоженный?

– Не лезут на него штаны. Он скрюченный весь. И воет. Он воет, начальник. И скрюченный. Штаны не лезут. Что делать?

– Что, значит, скрюченный? Что, значит, не лезут? Я тебе покажу, не лезут!

– Вполне естественно. Столько времени просидеть на ведре. У него затекли мышцы. Необходимо сделать массаж. Размять ноги. Вы, товарищ, ему ноги разомните, ладонями. Нужно разогреть ткани. Кровообращение нормализуется, и он выпрямятся.

– Пеликанов, ты слышал, что сказал доктор. Быстро сделал массаж.

– Что, я? Я, что ли!? Это ему я, чтобы это самое место мять? Это мне, что ли!?

– Да, ты, что б тебя… Еще поговори мне тут. Я что ли это должен делать? Быстро выполняй, или я тебе массаж сам сделаю такой, что не обрадуешься. Мни, как следует. Будешь знать, как над сокамерником издеваться.

– А я что? Мне никто ничего не говорил. Что сразу я?

– Мни, как следует. Сильнее. Растирай ноги. Задницу массируй. Мягче, мягче, Пеликанов. Без лишних усердий. Мягче, я сказал. Растирай. Ладонью. Вот так. Гляди у меня, Пеликанов.

– Ну, как, товарищ, получается? Правильно делаете. Круговыми движениями вдоль ягодиц. Вот так, вот так. Ну, как он, отходит? Распрямляется?

– Сам, попробуй.

– Простите, я не специалист по массажу. Это не мой профиль. Труп осмотрели? Можно забирать?

– Увози.

– Петр Иванович, носилки! Можно забирать. Поехали.

– Натянул штаны, Пеликанов?

– Натянул.

– Ух, Пеликанов! Следак приедет, припаяет тебе издевательства.

– За что, начальник? Это же не я! Я тут не причем. Сами, сказали усадить.

– Я тебе покажу, не причем! Я тебе, когда это сказал? Два часа назад я тебе это сказал. А ты что сделал? Кто два часа издевался? Кто на ведре держал? Все видели. Точно припаяет. Сиди смирно. Что б я тебя и не слышал. А его этого на скамейку усади. И пальцем не трожь. Вот, дело ешкина вошь. Терпила помер, негодяй гикнулся. Гляди, Пеликанов, что бы тебе еще смерть инженера не впаяли. Чем ты там в него пульнул?

– Я пульнул? Да ты что, начальник!?

– Гляди у меня! Издеватель. Усадил на парашу. Любой чокнется.

Прибывшие по вызову психиатры установили явную неадекватность поведения задержанного и вероятное органическое повреждение мозга. Вкололи успокоительного. Но ожидаемого эффекта оно не принесло. Усилили дозу –

безрезультатно. Тишка по-прежнему на задаваемые вопросы не реагировал, выл и раскачивался. Врачи развели руками, вкачали сильного снотворного и с тем уехали.

Гудящее сознание заволокло темной тягучей трясиной, и оно померкло.

* * *

С двух сторон пронзая уши, грохнули стальные кулаки вагонных сцепок, брызнул по стенкам черепа раздавленный гул голосов и с воплем страшного пробуждения вихрем ворвался через ноздри роскошный букет спертых ароматов грязного, давно не стиранного нижнего белья.

– Очухался, мужик? – спросил первый голос.

– Озверели мусора, – ответил второй.

– Замучили парня, – согласился первый, – Пить хочешь? Хрущ, дай кружку. Глотни малость, полегчает.

Тишка очнулся в камере предварительного заключения, куда его поместили по указанию следователя. Оглушительный виток новой жизни захлестнул спутанное сознание. Водоворот стремительного информационного потока с набатным гулом закружил его маленькое «я» и понес в бездну безумия. Барахтаясь и захлебываясь в нем, он пытался ухватиться за последние проблески зрительных образов, соотнести себя с миром, выбрать точку опоры, начало отсчета для ориентации в хаосе звуков проглотившего его безграничного

восприятия. Мир стал иным. Чудовищным, гадким и грязным. Огромная выгребная яма с громом и топотом обрушилась на его голову, забивая своей жидкой массой мозг, ноздри и легкие.

Обхватив голову руками, Тишка повалился на пол и застонал.

– Хлебни, мужик, кипяточку, – заботливо, с явным сочувствием произнес первый голос.

– Давай башкой в ведро макнем, – предложил второй голос.

– Я тебя, Хрущ, макну, – ответил первый, – Ты, что не видишь, он не в себе. Мужик, кончай выть, глотни. Что, совсем плохо? Где болит? Сядь. Хрущ, помоги посадить. Ты на меня смотри, эй, мужик. Ты меня видишь? Ты что-нибудь понимаешь? На меня смотри. Тебе что-нибудь нужно?

Голос первого настойчивыми призывными аккордами прорывался сквозь ураган звуков и, зацепив внимание соломинкой дружелюбия, потянул к себе.

– Тебя как зовут, мужик? Воды выпей. Не бойся. Мы не менты. Понял? – говорил он, в то время как другой грубо впихнул кружку воды, и холодная влага покатилась по разгоряченному чреву. – Ну, что, легче стало? Еще выпей. Не бойся, все будет нормально. Ты, главное, меня слушай. На меня смотри. Ты меня видишь? На меня смотри. Глаза открой. Ты меня видишь?

Тишка посмотрел прямо перед собой и увидел мужчину

лет сорока, три дня не бритого, с внимательными усталыми серыми глазами. Его взгляд полностью сочетался с благожелательным настроением его мыслей, и Тишка ринулся к нему сквозь облако отвратительного запаха, как к последней надежде на свое спасение.

– Вижу, – ответил он, – Ты кто?

– Свои, – ответил тот, – Зови меня – Перс. Я в законе. Я здесь главный. Понял? Ты меня понял? Это – Хрущ. Тоже свой. Не сука. Понял?

– Понял.

– Молодец. А теперь обзовись. Ты кто?

– Тишка.

– Молодец, Тишка. Ты кто, Тишка?

– Майданщик я.

– Он наш, Хрущ. А ты в ведро… Теперь скажи, Тишка, что с тобой? Ты меня понял? Что с тобой случилось? На меня смотри. Только на меня. В глаза смотри.

– Звенит… Голоса.…Вокруг голоса… Я не знаю кто.… Не вижу, где.… Все базарят.… Все сразу… Страшный топот и голоса… Грохот… Ржут… В башке… Я не знаю, откуда… Голоса. Звуки. Вонь. Я больше не могу. Крыша едет…

– Все нормально, – заявил Перс, – С тобой все нормально. Выпей. Хрущ, еще воды. На меня смотри. Только на меня. В глаза. С тобой все нормально. Повтори.

– Со мной все нормально.

– Молодец. Не закрывай уши. Меня слушай. Что за голо-

са? Ты понял? Что это?

– Не знаю… Они внутри… Их много… Их очень много… Все базарят… У меня в башке… Я ухожу… Меня уносит… Я не знаю, кто я… Я больше не я… Я больше не могу… Крышу снесло, Перс… Я больше не могу…

– Сказал, в глаза мне смотри, – Перс отвесил Тишке оглушительную оплеуху, – В глаза, – ударил еще раз, еще, – Меня видишь? Видишь меня?

– Где я?.. Что я?.. Башню сносит…

– Ты здесь. В глаза смотри, – Перс звонко лупил Тишку по щекам. От каждого удара реальность зримого мира становилась все действительней, все приближеннее, все четче, – Я – настоящий мир. Я – правда. Я – истина. Понял меня? На меня смотри. Все остальное – чушь. Есть только я. Только я и ничего больше. Повтори.

– Ты – настоящий мир. Только ты и ничего больше.

– Молодец. Запомни это. Все остальное бред. Повтори.

– Все остальное – бред.

– Все голоса – бред. Нет никаких голосов. Повтори.

– Но я их слышу. Они во мне. Я никуда не могу деться. Я не могу их заткнуть.

– Можешь. Ты все можешь. Сожми зубы и повтори: я все могу. Никаких голосов нет. Я их больше не слышу. Повторяй!

– Я все могу. Никаких голосов нет. Я их больше не слышу. Я все могу…

Так, шаг за шагом, Перс определил в сознании Тишки ту самую исходную точку. Спорить с ним было бесполезно. Тем более, что-то объяснить ему. Медленно, но уверенно твердой рукой и сильной волей он выбивал из сознания сокамерника бредовые, по его мнению, иллюзии и наваждения, так что к вечеру тот нашел ту самую опору, способную стать отправным пунктом для дальнейшего освоения мира.

В результате усердного наставления Тишка понял главное – он не сошел с ума. Его убедили в том, что он находится в камере, за толстыми стенами и его окружают блатные. Страшные резкие, прибивающие к земле звуки исходят от железнодорожного вокзала, что находится рядом с линейным отделением милиции где, соответственно, располагается их камера предварительного заключения. Пугаться таких звуков нет никакого смысла. К ним нужно привыкнуть и терпеливо ждать, когда способность их слышать, как-нибудь сама собой не исчезнет. В равной степени необходимо свыкнуться и с резкими запахами. К великому своему огорчению он стал неожиданно различать их с невероятной остротой. В конце концов, звуки внешнего мира, ему удалось заглушить разжеванными из бумаги пробками, ввинченными в уши, а сильные запахи перебить крепким ароматом сального рукава собственного поношенного, но еще вполне крепкого пиджака.

Единственно, что все время заставляло его содрогаться, так это мысли Хруща. Тому все время хотелось выпустить

кому-нибудь кишки. Но к утру его вместе с Персом увезли в следственный изолятор и, оставшись один, Тишка впервые за последние дни насладился относительным уединением и даже забылся коротким сном, полным голодного отчаяния и страха.

Все следующие сутки Тишка напрягал до точки кипения узкие извилинки своего маленького мозга, пытаясь сквозь нескончаемый гомон понять, что с ним произошло.

«Это какого черта со мной стало? – думал он, – Я сбрендил, кемарю, дал дуба, или лепило вширял мне дозу?».

Но найти вразумительного ответа ему не удалось.

* * *

Следователь ожидал Тишку в отдельном кабинете. Это был усталый мужчина средних лет, в поношенном сером пиджаке и клетчатой рубашке без галстука. Редкие сальные волосы, темные мешки под глазами, костистый нос, плохо бритые впалые щеки, просмоленные табаком зубы, жесткие тонкие губы и сдвинутая в сторону мятая гильза дешевой папиросы выдавали в нем советского трудоголика, слишком много времени отдающего работе и излишне усердного в выполнении своих служебных обязанностей.

Когда ввели Тишку, он был погружен в чтение какой-то лежащей перед ним бумажки:

«Задержанный Пеликанов, издеваясь над задержанным

Заикиным, усадил того на парашу и два часа не спускал оттуда. В результате Заикину пришлось вызывать психиатрическую бригаду. Справка прилагается к рапорту. Дежурный, старшина Семенов Г. П., оторвал глаза от документа, внимательно посмотрел на доставленного: «Интересно, – подумал, – сразу будет из себя дурика строить, или немного погодя?» – и произнес уже вслух, доброжелательно:

– Здравствуйте. Проходите. Присаживайтесь. Как вы себя чувствуете? Курить хотите?

«Все папиросы у меня, гады, перетаскали. Скоро самому курить будет нечего. Будто на них деньги лишние выдают. Не успеваешь покупать новую пачку. А жена ворчит – денег на курево много трачу. Вот на них, урок, и трачу. Давали бы казенные, так и самим было бы легче. А что делать? Без курева нет балагурева. Ну, что молчишь, урка? Делаешь вид, что не понимаешь? Решаешь, с чего лучше начать. Ну, ну решай. Все одно тебе крышка».

Каждая мысль следователя отчетливо отпечатывалась в мозгу Тишки, словно он произносил слова громко и в самое ухо. Новое, необычное ощущение свободного проникновения в ранее закрытое, неведомое и запретное, оказалось сродни тому щемящему чувству покровительственного превосходства, всякий раз возникающему когда гладишь доверчиво подставленное мягкое брюшко котенка. Оно понравилось Тишке. Следователь словно оголился перед ним и, не замечая этого, продолжал играть роль короля.

– Давайте знакомиться. Меня зовут – гражданин следователь, – он вынул изо рта жеванную папиросу и окатил задержанного кислотным облаком гнилого утробного запаха, – Вы, я так понимаю, не новичок. Объяснять простые вещи – не нужно. Взяли вас с поличным. Краденые вещи изъяты. Свидетели дали показания. Так что, давайте не будем зря занимать время друг друга, морочить голову и такое прочее. Со мной это не пройдет. Я вашего брата насквозь вижу. Со мной лучше по-хорошему. Курить хотите? – снова отправил курящуюся папиросу себе в рот и подумал:

«Странный урка. Может и правда с головой не все дома? Смотрит, как рыба об лед. Ну, что молчишь? Давай, начни с чего-нибудь. Там, разберемся».

– Одно не пойму, – произнес вслух, – Что там у вас вышло с какой-то вещицей? Что вы там будто бы проглотили? Врачи вот были. Промывание делали. Говорят, процедуры всякие. Куда оно делось? Может ни чего и не было? – сощурил он хитрый глаз и подумал:

«Ну, давай, клюй. Скажи, что ничего не было. Что все ошиблись. Тут я тебя на чемодан и разверну в полный рост».

Тишка почувствовал, как следователь начал потеть. Как у него из под мышек и по спине потекли тонкие пахучие струйки. Как ароматно закурились несвежие носки в ботинках. И он даже натужно пукнул, выпустив тихое легкое облачко едкого сероводорода.

«Ну, ты – козел, – подумал Тишка, – Это западло, в хате

смердеть».

Следователь выпучил черные глазки и выронил изо рта папиросу на пол.

«Что это было? – пронеслось у него в голове, – Кто это сказал? Что это у меня, с башкой делается? Спать надо больше. Заработался. Тьфу, черт. Пора в отпуск».

Он встал, налил из графина стакан холодной воды. Выпил.

– В молчанку играть будем? – спросил, возвращаясь к исходной позиции за столом, – Не советую. Улик более чем достаточно. Лучше скажи, что ты там с потерпевшим сделал? Почему он вдруг скончался так неожиданно? С кражей, допустим, все в порядке. Тут мне все понятно. А вот что нам с убийством делать? Это, я тебе скажу, другая статья. Убийство прокуратура ведет. Молчанием мы тут не отделаемся. Пояснить нужно. Будешь молчать, так я сам тебе поясню. Прямой вышак корячится, понял?

Он наклонился вперед и вперился в подозреваемого острыми взглядом.

«Что буркалы выкатил? – Тишка смотрел ему прямо в глаза, – Думаешь, я сявка и меня на понт можно взять? Дело состряпал, за хобот и на юрцы? Тороплюсь, аж вспотел. Кричать не буду. Дымок давай. Ну, что вытаращился?»

Следователь медленно вынул из кармана пачку папирос и протянул Тишке.

«Огонь», – мысленно добавил тот.

На стол легли спички.

«Бочары», – неожиданно приказал Тишка.

Послушно и безропотно слуга закона снял с себя часы и выложил перед вором.

«Волыну давай», – последовало очередное распоряжение.

«Нет. Не взял, – мысленно ответил следователь, – Не брал сегодня».

«Тогда выводи меня отсюда. Быстро».

«Как?»

«Нет терпилы, нет и дела. Ясно?»

«Ясно».

«Верни бабки и рыжье».

«Само собой».

«Пиши шпаргалку».

* * *

Из рапорта старшины милиции Семенова Г. П. начальнику линейного отделения милиции:

«Вчера, дежурным следователем капитаном милиции Верещагиным К. Р. был выпущен на свободу вор-рецидивист Заикин Т. С., задержанный за кражу чемодана гражданина Лыкова А. П. Считаю, что следователь Верещагин К. Р. поступил неправильно и незаконно. Доказательства вины Заикина Т. С. в краже чемодана были полностью собраны оперативным составом отделения милиции. У Заикина Т. С. были изъяты сворованные им деньги и драгоценности. Одна-

ко, несмотря на это, следователь Верещагин К. Р. вернул вору-рецидивисту Заикину Т. С. все изъятые деньги и драгоценности и в возбуждении уголовного дела отказал. Прошу разобраться со злоупотреблениями следователя Верещагина К. Р., если не сказать больше, которые оскорбляют честь нашей милиции и мешают нам в борьбе с распоясавшейся преступностью».

Из приказа комиссара милиции Огурцова Н. И. по личному составу:

«За халатное отношение к исполнению своих служебных обязанностей, выразившееся в необоснованном отказе в возбуждении уголовного дела, следователю Верещагину К. Р., капитану милиции, объявить о неполном служебном соответствии и направить представление о понижении его в звании до старшего лейтенанта милиции».

* * *

Поиски гражданина Заикина Т. С., предпринятые компетентными органами в последующие дни, положительных результатов не принесли.

Спустя некоторое время материал по факту кражи чемодана инженера Лыкова К. П., в связи с неустранимым отсутствием показаний потерпевшего, был сдан в архив, откуда вскоре бесследно исчез.

Глава 3. Иван Моисеич

Доброе утро, господа!

Солнце снова озарило планету. Время пошло на новый виток.

Вставайте. Арена еще пуста. Круг жизни ждет своего героя. Как знать, быть может грядущий день будет иным. Станет лучше. Зазвучит выше, ибо он старше.

Идите. Идите, но помните, что стоит сделать всего один шаг и этот день окажется прожит. Круг замкнется в стремлении ввысь, свет померкнет, но новая заря замерцает в глубине бесконечного вселенского потока. Быть может другой станет удачнее, мудрее, как знать?..

Смелее, господа. По праву рождения господа положения. Ваш час настал.

Для начала вы можете сделать гимнастику. Как сейчас принято полагать, она особенно укрепляет тело. Но можете ее и не делать, а просто выпить чашечку кофе или вознести хвалу Небу. Это значения не имеет. Главное, положить начало, главное, что бы первое движение души, так определило весь последующий поток мыслей, что те, сплетясь воедино с нахлынувшим настроением, не растворились в нем, а устремились туда, куда, как вы потом, вечером, поймете, его правильнее всего и следовало направить. Иначе это утро не станет для вас добрым, и снова не будет иметь существен-

ного значения.

Впрочем, надевайте штаны, облачайтесь в рубашки, ешьте, пейте, умывайтесь и идите. Идите, куда хотите. Те, у кого имеется служба, идите на службу. Это не самый плохой вариант, куда можно пойти утром. Главное, чтобы было куда идти. А куда, это не важно. Хотя бы даже на Кудыкину Гору.

Но помните, что каждое утро может оказаться для вас последним.

* * *

Иван Моисеич, побойтесь Бога!.. Как говориться, или наденьте трусики, или снимите крестик. Даже если его нет. Даже если нет того, из-за чего стоит надевать трусики. Не утром единым, Иван Моисеич… Не надо спешить. Подумайте, так ли вы начинаете. Та ли мысль колобродит в нечесаной голове… то ли слово спадает с размякшего языка… та ли нога пытается подцепить опрокинутый ночью тапок… Может, стоит еще полежать?.. Не рано ли покидать теплое одеяло?.. А надо ли?.. Может, лучше и не… Впрочем, почему бы и нет?..

Иван Моисеич, вы же умный человек! Вы же знаете, что все начинается с утра.

* * *

Во всем виновата кошка.

Если бы не это маленькое, глупое животное, то, возможно, все сложилось бы несколько иначе. Привычное течение дней Ивана Моисеича не изменилось бы столь стремительно, и он продолжал бы размеренное восхождение к вершине своей жизни.

Если бы не кошка, не закрутились бы вокруг него таинственные события. Не оказался бы он среди рабочего дня на городском пляже и не окунулся бы в водоворот головоломных историй и душегубных страстей.

Если бы не она, то продолжил бы Иван Моисеич полагать, что он и есть тот самый обычный, ничем не примечательный, добропорядочный гражданин, смиренно несущий свой крест жизни день за днем, месяц за месяцем, год за годом до тех пор, пока серебристый финал не успокоит его утомленную душу.

Но так уж сложилось. Возможно, чужой промысел соизмерил и спланировал поворот событий, развернул колесо, стукнул им по ухабу и опрокинул скрипучую телегу в водоворот превратностей жизни. Впрочем, если бы не кошка, то, возможно, произошло что-нибудь иное, что, скорее всего, случилось бы, при известной предрасположенности судьбы к подобным переменам, как это обычно происходит с людьми, предпочитающими больше полагаться на волю случая, чем предпринимать для этого какие-либо разумные действия. Но так или иначе, вездесущая игрушка внезапно

восставших первобытных инстинктов, не ведая, что творит, стремительно внесла в его жизнь свои коррективы.

Начало того дня не предвещало ничего необычного. Часы, как заведено, пробили полночь. Наш герой спокойно и глубоко спал на широком двуспальном диване рядом со своей толстощекой женой Соней. Блаженная тишина белой июльской ночи окутала его безмятежное сознание тонкой пеленой сладостных грез. Что снилось ему? Быть может, та, другая, тонкая и чувственная с высокой грудью и стройными ногами… Быть может, тот миг, напоенный лучами сиятельных звезд, что так терпеливо он ждал, как справедливую награду за свой повседневный труд, который сам по себе уже есть великое преодоление… Или что-то еще, что мужчина желает иметь… Может, тот подвиг, что уже совершен, в душе, но еще не проявлен во всем блеске его благородства по причине не сложившихся обстоятельств… Видимо, ему виделось что-то упоительное, ласкающее душу своим совершенством, ибо, как можно еще понять то удручающее настроение, внезапно обрушившееся на него, когда сквозь кружево светлой мечты грубо и неестественно прорвался свербящий скрежет когтей по сухой керамический плитке.

«Нагадила…», – сквозь дрему сообразил Иван Моисеич, – Какая нелепость…»

Он снова смежил свои веки, пытаясь ухватить за хвост ускользающее видение. Сон медленно наплыл радужной картинкой, и даже некоторое время витал над головой, робко

протискиваясь сквозь противный скрежет, все еще продолжавшийся и продолжавшийся с усердием раннего дворника медленно метущего бесконечную шершавую мостовую. Словно одержимое злым духом примитивное существо искушало его потревоженное сознание, осколками сухой штукатурки сметая на асфальт искалеченные небесные образы.

Иван Моисеич взглянул на часы.

«Так рано…», – скривился он и не встал, отложив грязную работу на утро.

Но неутомимый копатель в эту ночь оказался чертовски изобретателен. Бесцеремонно поправ все правила приличного поведения, привитые человеком за долгие годы совместной жизни, он, вдруг, возопил диким, гнусным, протяжным голосом в гулком чреве темного коридора. Видимо, он знал, чем можно взбодрить своего хозяина. Не получив ответа на первый призыв, он вонзил в тишину ночи новый, длинный душераздирающий вопль, металлическим штырем пронзивший мозг Ивана Моисеича насквозь. Но и этого ему показалось мало. Намотав на ржавый шампур куски раскромсанных сновидений, он завернул их в шелестящую бумагу и грохнул пустой бутылкой по железой крышке бездонной, эмалированной кастрюли, гулким раскатом содрогнув саму душу. Затем сбросил на пол нечто металлическое и оно медленно покатилось по паркету, размеренно постукивая на выбоинах, как старый трамвай на стыках разболтанной дороги. После чего завершающим аккордом погребальной песни

прозрачной ночи протяжно завыл громко и утробно.

«Ну, сука, допрыгалась».

Уродливые звуки ночного разгула искореженным стальным профилем окончательно разворотили кружево сна, перевернули сознание и подняли из глубины души столь примитивные обозначения последующих недобрых намерений, что их смогла бы понять даже бессловесная тварь. Злобная месть черным, нефтяным пятном заволокла светлые воспоминания прелестных переживаний.

«Убью», – прошипел Иван Моисеич и босиком, преисполненный негодования, по возможности тихо, дабы не разбудить крепко спящую супругу, бросился на поиски нахального зверя. Но тот, сразу почуяв неладное, стремительно скрылся под диваном. Злорадная ухмылка перекосила лицо мстителя. Если бы все это случилось днем, то он воспользовался бы пылесосом. Но сейчас… Он взглянул на мирно спящее лицо жены, ухмыльнулся еще раз, извлек из-за шкафа длинную швабру и с натиском штурмующего вражеские бастионы засадил ее под диван, туда, где призрачное мерцание холодных глаз выдавало затаенное присутствие дикого существа. Неприятель заметался из угла в угол. Нападающий заелозил шваброй из стороны в сторону, гулко постукивая по полу. Один грозно рычал. Другой тяжело пыхтел. И так продолжалось несколько минут, пока быстрая скользкая тень вдоль сумрачных силуэтов угловатой мебели не выдала направление отступления противника. Разъ-

яренный вершитель правосудия ринулся следом. И хотя итог схватки был явно заранее предрешен, маленькое обезумевшее существо не намеревалось так дешево сдаваться. Оно заметалась из коридора в комнату и обратно, закружило вокруг кресла, стрелой пронеслось над кроватью, взлетело на шкаф, откуда шумно опрокинуло книги и всякую мелочь прямо на голову раздосадованному преследователю. И если бы в эту минуту тот воспринял протесты своей разбуженной половины и не проявил завидного упорства и настойчивости, то, вполне вероятно, столь бурное сопротивление смогло бы принести положительные результаты, ибо во имя сохранения благоприобретенного имущества и ночного спокойствия справедливое возмездие, скорее всего, отложилось бы до утра. Но что значат какие-то дешевые вещи по сравнению с нагло нарушенными принципами! Как может женщина понять высокие устремления мужа! Как можно оставить преступление без наказания! Нельзя потворствовать животному в проявлении его первобытных инстинктов. Даже, невзирая на когти. Нужно загнать его угол, прижать к полу шваброй и показать, кто в доме хозяин, окончательно и бесповоротно, дабы впредь неповадно было.

Поэтому, оставив Соне ее упреки и увещевания, Иван Моисеич поступил как настоящий мужчина: настиг преступника в коридоре и прижал к стенке. Противное существо зашипело, предпринимая последнюю попытку отстоять независимость, но цепкая рука возмездия уже крепко держала

его за шкирку. Сопротивление оказалось сломлено. Настал час познания Истины. Пара увесистых шлепков по той части костистого тела, откуда растет хвост, и истерзанная тишина ночи вновь стала медленно обретать мир. Посрамленный зверь забился в свой темный угол, а гордый победитель возвратился в неостывшую постель, где наградой ему послужил хмурый взгляд и колкие ворчания вновь засыпающей подруги жизни.

– Кошка ему покоя не дает. Кошка причем здесь. Взъелся на бедное животное. Дурной какой-то… – проворчала, зевая, Соня и повернулась к нему широкой спиной, плотно укутавшись одеялом.

– Она… орала, ночью… – попытался объяснить Иван Моисеич свои действия, но что может понять женщина, привыкшая видеть любимца только с хорошей стороны?

Как не велика одержанная победа, но сон она растоптала. Он был принесен в жертву на алтарь справедливости, безвозвратно похищен маленьким неблагодарным негодником, утрачен в борьбе за торжество Разума над Природой.

Промаявшись более четырех часов, Иван Моисеич оторвал от подушки тяжелую голову, зевая, пошарил ногами под кроватью, влез в шлепанцы и, ругаясь, побрел на кухню, где его ожидали стакан холодного чая, мутный взгляд через окно в предрассветное утро, обеденный стол с горой немытой посуды, вчерашние объедки и стеклянные глаза присмиревшего хищника.

Хозяин отпихнул ногой нахальную кошку от холодильника и зашаркал в туалет. Как всегда животное напачкало именно там, где он собирался встать. Какая мерзость! Круглые зеленые глаза четвероногого светились злобно и уверенно. Иван Моисеич брезгливо понюхал перепачканные шлепанцы. Черная туча священного негодования вновь наползла на его неустойчивое сознание. Какая подлость! Какое низкое коварство! Какая примитивность образа жизни! Взрыв отвращения и метко пущенный веник возмездия настиг нечистоплотную тварь. Настроение стало медленно улучшаться. Но какое может быть настроение у человека грубо разбуженного среди ночи, вынужденного гоняться по всей квартире за бессовестным примитивным созданием, и, в довершение, низко испачканным отвратительной дрянью.

После бодрящего воздействия одеколона на свежевыскобленных бритвой щеках появился первый румянец. Иван Моисеич начал ощущать в себе проявление первых признаков благодушия. Еще немного и он станет таким, каким его привыкли видеть. Достойной единицей человеческого сообщества. Полезным и деятельным работником. Лояльным гражданином. Еще один шаг и теплое кофе разгонит кровь, ударит в голову и он почувствует себя бодрее, почти отдохнувшим за эту беспокойную, бестолковую ночь. Но сейчас… Брезгливый взгляд в сторону скомканной постели. Бесформенный силуэт спящей жены. Несвежая рубашка. Помятые брюки. Клубок носков под стулом. Расческа, увязшая в но-

совом платке. Разбросанные по столу ключи, часы, кошелек. Недочитанные с вечера бумаги. Потертый портфель… Глубокий вздох…

Он снова готов к трудовому дню. Теперь можно перейти к завтраку.

Утренний кофе. Сколько людей возвращается к жизни после первого длинного глотка этого заморского, ароматного напитка. К той самой жизни, от которой вечером они с таким удовольствием забываются во сне. Так стоит ли начинать? Так стоит ли снова и снова повторять тот путь, что с неизбежностью приводит к непреодолимому желанию отрешиться, уйти в иной, идеальный мир, мир грез и мечтаний? Или может быть стоит что-то изменить в привычном течении дня? Освежить его некоторым поворотом, привнести в него нечто новое, душещипательное, некое сентиментальное происшествие или, может быть, этого делать не стоит? Гораздо спокойнее и привычнее совершать мелкие дела день ото дня, повторяя многократно пройденный путь, такой безопасный, такой проверенный, такой беспросветно серый, как монументальные творения перезрелой цивилизации.

Иван Моисеич облачил тело в поношенные костюмные брюки светло-коричневого цвета, белую рубашку с короткими рукавами, по причине летней, теплой погоды, взял портфель. Нечесаная жена в махровом халате пробрела мимо в ванную. Сонный взгляд. Дежурное – «Пока». Ответное – «До вечера».

Некормленая кошка проводила его злым глазом из под комода.

«Непременно сглазит» – отчего-то подумал Иван Моисеич.

* * *

«Дорогой друг, шлю тебе привет из далекого Урюпинска, что, как ты знаешь, затерялся на безмерных просторах России. Я снова тут. Представляешь, через столько лет. Но уже без тебя. Помнишь, наше теплое студенческое лето? Тех коз, что паслись прямо под окнами? Когда это было?.. Представляешь, с тех пор тут ничего не изменилось. Столько лет прошло, а тут все по-прежнему, даже завидно. Время словно остановилось. Даже люди не постарели. Мой дядя уже успел жениться и развестись. Купить и продать машину. У него растёт большая лохматая собака неизвестной породы. У нее длинная лисья морда и лысый хвост. Масти она рыжей с черным. Очень умная. Все понимает и лает редко. Занимается, только когда под окнами проходит шантрапа с гитарами. Соседка у него красивая. Печет блины и меня приглашает. Не знаю идти или нет?.. Как думаешь? Вчера сходил на почту. Хотел выслать тебе воблы. Помнишь, как мы ее ели с пивом? Но мне сказали, что продукты не берут. От них тараканы. Поэтому не выслал. Извини. В общем, отдых протекает по плану. Ничего инте-

ресного. Живу скучно. Даже жалею, что приехал. Лучше бы остался в городе. Но, брат, понимаешь, хоть раз в сто лет родственников навещать нужно. Тяжелое, понимаешь, бремя. Хотя, первую неделю просто оглох от тишины и покоя. Но сейчас уже скучно и тянет домой. Сидеть тут еще неделю или нет, не знаю. Видимо, сбегу. Хотя, дядя на рыбалку тянет и охота обещает быть интересной.

У народа с работой здесь полный порядок. Все сидят все там же, все в том же издательстве. Жалеют, что я не пошел по их стопам, как ты, не стал журналистом. Повышений ни у кого предвидится. Зато нет конкуренции. Тут с этим делом вообще туго. Как в средневековой Японии людей можно называть не по имени, а по профессии. Каждого вида по одной штуке. И мой собрат, прокурорский следователь, сидит практически без дел. Преступность не берет за горло. Может перевестись к ним, пожить пару лет тихо? Жаль, что не уговорил тебя поехать со мной, как тогда, в молодости. Веселее бы было. А то в иной день и поговорить не с кем. Пожалуй, пойду к соседке на блины…

Вот, в принципе, и все. Написал тебе, и как-то еще один день прожил. Непривычно, знаешь ли, письма писать, даже здорово, особенно, если делать больше нечего.

Ну, все. До встречи в городе. Приеду, расскажу подробнее.

Твой друг,

Леша Наклейкин».

Иван Моисеич сложил письмо и сунул его в карман.

* * *

Иван Моисеич считался счастливым обладателем отдельного кабинета.

И хотя кабинет его был маленьким и скучным, зато он являлся настоящим отдельным рабоче-письменным тихо-уединенным уголком в гудящем бурляще-гоготящем и рокотящем водовороте журнально-газетного издательского комплекса.

Его пыльные оконные стекла вяло сопротивлялись яростным атакам утренних лучей солнца. Из серой канвы скромной обстановки ярким обличительным пятном вырывался замусоренный подоконник, служивший обиталищем колючему столетнику и каким-то мошкам, устроившим себе здесь кладбище вместе с темно зелеными мухами прямо возле красной стены обветшалого горшка. Кусочки земли, потеки сладкого, крепкого чая, куски утеплительного поролона и какие-то обрывки бумаг завершали скромный приоконный натюрморт. Возле него высился обшарпанный двух тумбовый письменный стол из светло-коричневого «де-эс-пе» с инородным белым пластмассовым корпусом компьютерного монитора на расцарапанной столешнице. Вглубь помещения дневной свет проникал с большим трудом. Не достигнув входной двери, он погибал возле шкафа, заваленного старыми картонными коробками с каким-то хламом, хранящим-

ся там с незапамятных времен, возможно еще с Октябрьской Революции. В тени его великим символом обособленности стоял на особом деревянном стуле электрический чайник черного цвета. Несколько грязных чашек и стаканов громоздились рядом на тумбочке. Стопка разношерстных пожелтевших газет вперемешку с иллюстрированными журналами, кучей сваленные по всем углам кабинета, выдавали в хозяине человека широкого кругозора, можно сказать, образованного. Полка с обтрепанными книгами филологического направления завершала скромное убранство. Она была пришпандорена двумя крепкими гвоздями прямо к убогой фанерной перегородке, отделявшей данное помещение от другого, соседнего и весьма шумного. Стены кабинета, оклеенные обоями трудноразличимого цвета и рисунка, видимо впервые увидевшие свет еще на заре индустриализации, имели многочисленные прорехи и неизвестного происхождения темно-желтые пятна, выползавшие из под прикрывавших их плакатов разных лет и всевозможных социальных устремлений.

В этом кабинете было предназначено заниматься сугубо интеллектуальным трудом. Правда, с первого взгляда трудно определимым каким именно.

Здесь Иван Моисеич начальствовал над столом литературного редактора. И хотя общая направленность журнала ориентировалась главным образом на досуг не самой интеллектуально развитой части населения, он старался привне-

сти в редактируемые статьи суровый пафос научного издания. И во многом благодаря недюжинным его стараниям развлекательный характер журнала обрел устойчивые элементы научно-бульварного популизма.

К своему делу Иван Моисеич относился серьезно. Статьи правил аккуратно и долго, полностью погружаясь в представленный материал. Поэтому без известной степени вдохновения к работе не приступал и что-либо делать не начинал, если конечно к этому его не принуждали особые обстоятельства и различного рода крайности, как то: прямые директивы начальства или то бестолково суетливое состояние, весьма хлестко именуемое в народе «авралом».

В эту же тихую достопамятную среду начала июля с самого утра работа не шла. Ни утренний кофе, ни пешая прогулка от метро до работы, ни скромные гимнастические упражнения с поднятием и разведением рук в стороны не выветрили из его тяжелой головы свинцовой пробки былых переживаний заштампованных бессонной ночью.

На столе смиренно маялась под теплыми лучами солнца отложенная со вчера серая стопка нечитанных бумаг. В ней, как обычно, помещались и очередная обличительная статья крикливого поборника общественной морали, объявляющего проституции очередной крестовый поход, и робкая попытка освещения неких заоблачных научных проблем, и свежая подборка бульварных анекдотов, и еще черт знает что, что обычно вызывает у читателя легкую улыбку или едва

скрываемую зевотой заинтересованность. По замыслу главного редактора следовало включить эти материалы в некую единящую канву, с тем, чтобы в одном номере, под всевозможными углами зрения осветить разные направления общественной мысли, показать все стороны одной медали, что, несомненно, явит миру стык между наукой и нормальной жизнью. Такие приемы, по мнению руководства, должны приносить великую пользу в деле просвещения молодежи и служить делу популяризации среди отдыхающего населения современных научных направлений, что в свою очередь, поднимает интерес читателей к издаваемому журналу, повышает его тираж, а соответственно прибыль. Хотя обычно это получалось довольно нелепо. Одни пытались доказать, что так дальше жить невозможно, а другие с неизменным постоянством и, можно даже сказать, скукой, рассуждали на какие-то важные, на их взгляд, но непонятные для обычного читателя, проблемы, вставшие на очередном симпозиуме, проходящем, как всегда, где-то под теплыми лучами южного солнца, в одном из благополучных во всех отношениях уголков планеты, где во время шикарных обедов непременно поднимали бокалы шампанского за прогрессивное человечество.

Среди вороха рукописей внимание Ивана Моисеича привлекла объемная статья некоего Склярского, отпечатанная на дешевой плотной бумаге отечественного производства, содержащая некие околонаучные изыскания на тему воз-

действия микроволнового излучения на сознание человека. Ивану Моисеичу ранее уже попадались подобные трактаты, то претендующие на очередной прорыв, одаряющий человечество неимоверными перспективами развития, то пугающие кровожадным сговором ползучих сионистов на пути к мировому господству. Большого значения он им не придавал. От них, как правило, веяло дилетантизмом и явным желанием авторов заявить о себе на склочном поприще народных спасителей. Читать их было смертельно скучно, а редактировать и выверять содержание сомнительных терминов, обмусоливая каждую фразу – сущем наказанием пытливого и гибкого ума. Но эта нескрываемо претендовала на сенсационность. Для автора не существовало никаких сомнений в том, что все люди давно зомбированы и даже продолжительность человеческой жизни впрямую зависит от силы особого управленческого потока.

Надо отметить, что Иван Моисеич с содроганием представлял себе тот день, когда костлявая старуха постучит в его дверь и зазубренной косой отсечет ему голову. Эта процедура не только вызывала дрожь, но даже думать об этом он не решался, дабы не накликать на себя преждевременных неприятностей. Ему было тягостно ощущать, как с годами медленно тяжелеет тело. Как лицо обретает легкую одутловатость. Морщинится и сохнет кожа. Живот упорно пытается обогнать подбородок. И каждый раз после принятия душа волосы забивают сточное отверстие ванны.

Иван Моисеич встал, подошел к шкафу. Внутренняя сторона дверцы хранила мутное зеркало. Он посмотрелся в него.

«Старею. Немилосердно, решительно старею, – подумал он, обозрев свое опухшее от бессонной ночи лицо, – И еще эти угри…», – потер указательным пальцем бугорок с черной точкой на правом крыле носа. Попытался выдавить. Но тот упорно сидел, не желая покидать теплое местечко.

В коридоре послышались быстрые шаги. Кто-то стремительно прошел мимо двери. А мог бы и зайти. Зайти и увидеть. Как это все неприятно. Что могут о нем подумать? Стоит возле зеркала, давит прыщи…

«Дома займусь этим. Запрусь в ванной и выдавлю», – решил Иван Моисеич.

Вспомнилась содержание только прочитанной статьи. Ее автор с полной категоричностью утверждал, что достаточно найти ретранслятор и прекратить передачу программы, как человечество вновь обретет светлый лик Бога. Появиться новое дыхание, прекратятся болезни и год, два, три, а то и десять лет жизни – снова будут твои… Как в аптеке.

«Какое шарлатанство! – покачал головой Иван Моисеич, – И как только можно печатать такую гадость? Сознательно дурить людям мозги? Но таков бизнес. На всем надо делать деньги. Такова задача дня, текущего момента.… А я кто? Раб лампы…»

Пора возвращаться к делам. Читать дурацкие рукописи,

производить правки.

Но для подобной работы необходим особый настрой, агрессивный и жестокий. Некое злорадное умонастроение, своего рода мазохизм, язвительно выжигающей нелепые обороты тощих слов из канвы не до конца потерянной для науки мысли. То самое состояние, которого после наполовину потерянной ночи, он как раз в эту минуту и не имел.

Для достижения нужного настроения Иван Моисеич вынуждено выпил три стакана чая с лимоном, мерно расхаживая по кабинету от двери к окну. Однако, должного эффекта это не оказало. Тогда он спустился в буфет, где медленно выкушал две чашки черного кофе. Но и это существенного просветления уму не принесло. Мысли по-прежнему вращались вокруг штампованных фраз и избитых выражений. Наконец, после стакана пива, выпитого на улице с небритым наборщиком из второго цеха, он ясно осознал, что рабочий день сегодня выдался не удачный, можно сказать не творческий, бесполезный. Бумаги вызывали неотвратимое отвращение. Жара, противная липкость под мышками, истерический женский хохот за стенкой, стрекотание машин, жужжание компьютера – ну все, решительно все отвлекало, не давало сосредоточиться, раздражало и нагнетало нестерпимую и вместе с тем высокую тоску по чему-то возвышенному и тонкому, хрустально прозрачному, как прохладное кружево весеннего льда.

Работать явно не хотелось. Промаявшись без дела до кон-

ца обеденного перерыва, Иван Моисеич кинул несколько рукописей в портфель, в том числе статью Склярского, желая показать жене, взял местную командировку и отбыл в направлении Петропавловской крепости.

* * *

Он лежал обнаженный на промусоренном песке городского пляжа и теплые лучи солнца мягко проникали в его толстеющее тело. Ласково накатывали волны на берег. Кричали голодные чайки. У самой кромки воды копошились в песке дети. Лаяла собака. Ржал где-то рядом захмелевший мужик.

Труженики великого города предавались культурному отдыху.

Иван Моисеич никогда не выделял себя из толпы. Его не обуревали социально-направленные порывы организационно-распорядительного толка. Он не стремился увековечить свое имя шумными историческими свершениями, был чужд мелкому ханжеству, хотя каждая в отдельности взятая единица человеческого сообщества не вызывала в нем восторгов или чувств даже отдаленно напоминающих симпатию. Он больше благоволил к человечеству в целом. Без разделения его на расы или полы. Любил в тихую минуту порассуждать на темы эволюции, как, впрочем, и всякий имеющий высшее гуманитарное образование. Любил прекрасное, особенно музыку. Был изрядно начитан высокой литерату-

рой, и понятие о жизни имел собственное.

Еще он любил простые радости жизни. Холодное пиво в жаркий день, зеленое крепкое яблоко со сладкой кислинкой, бездомную кошку с тоскливыми глазами, дешевый детектив в мягкое обложке. Он мог отхлебнуть прямо из бутылки, окунуться в грязную волну залива, съесть на улице шоколадку в присутствии посторонних.

Он работал и отдыхал среди прочих и неотделимо от толпы. Он жил с народом, как часть целого большого культурного мегаполиса Европы.

Он был скромен и, можно сказать, робок. Он даже не осмеливался возражать начальству, когда оно распекало его за недопустимую медлительность. Хотя, что можно тут возразить? Сказать, что излишне трепетно относиться к каждому материалу, несмотря на всю его глупость? Так для этого он и принят на службу. Или сказать, что не может иногда быстро подобрать нужного слова?.. Как объяснить, что творчество не не поддается регламентации никаким рабочим временем? Нет, им нужен вал, план, итоги, результаты, тираж, деньги.… Как он далек от этого.… И объяснять что-то им бесполезно. Его просто уволят. Не поймут и уволят. Что тогда он принесет домой? На что они будут жить? А ребенок… их будущий ребенок? Ему потребуется много денег. Нет, возражать не стоит. Нужно работать. Как можно больше. Но только не сегодня. Сегодня – выходной. Как давно он не лежал на пляже.… Как хорошо… Главное, что-

бы ни кто его здесь не увидел.… Как тогда он это объяснит?.. Журналисты такие проныры.… Но как его могут увидеть здесь, днем, в рабочий день?.. Нет, это маловероятно… Он же не привлекает к себе внимание, лежит тихо, греется…

Он лежал животом на теплом песке, щекой на мягкой футболке среди великого множества мужчин и женщин. Ребристый портфель с нечитанными рукописями надежно, придавленный левой ногой, не беспокоил его умиротворенное сознание. Он витал уже там, далеко, где высокие пальмы толкают хрустальное небо и шелест волн омывает мечту. Мокрые трусы налипли на влажное тело. На плечо села зеленая муха. Иван Моисеич не любил мух и потому согнал ее. Она улетела.

«Противное существо муха, – размеренно размышлял он, – Что собственно она из себя представляет? Насекомое. Примитивная форма жизни. Извечно отягощенная поисками пропитания. Вечная борьба за существование. Движение и воспроизводство. Что ей от меня нужно?»

Иван Моисеич снова согнал муху или, может, уже другую?

«Да, мало ли во Вселенной мух? Великое множество ползает по Земле. Копошится во прахе. Гудит и снует в водовороте жизни. Великая Суета… Все суета… Суета и томление духа».

Последняя мысль особенно ему понравилась. Она как-то легко легла на утомленное солнцем умонастроение. Он сладко потянулся и открыл глаза.

Она сидела почти рядом с ним. Её толстые красивые розовые бедра почти нависли над его головой. Закрыв глаза под черными очками, она грела под солнцем плотную круглую грудь.

Иван Моисеич никогда не считал себя человеком излишне обремененными сексуальными потребностями. Но при виде её он ощутил определенной степени волнение.

«Вот как было бы хорошо с ней познакомиться, – подумал он, – Вот так запросто, как это может Леша Наклейкин. Подойти, заговорить, проводить и все такое прочее… Как это у него легко и просто получается. Талант. А я? У него каждая баба – жена. А у меня одна Соня. Что, в сущности, у меня за жизнь? Утром на работу. Вечером с работы. Душ. Ужин. Телевизор. И спать. С утра все с начало. И так каждый день. Месяц за месяцем. Год за годом. По одному и тому же кругу. По одному и тому же месту. Тысячу раз. Как заведенный. Есть. Спать. Работать. Есть, спать, работать. Есть, спать, работать… Все быстрее, быстрее, быстрее. Пока все не захлопнется крышкой гроба. Кому это все нужно? Почему это все так заведено? Жизнь уходит, а в сущности ничего не происходит. Ничего, что можно было бы вспомнить, посмаковать, многозначительно качнуть головой, поднять палец вверх, мол, помнишь, тогда… да… Старею. Год от года. Чем дальше, тем больше. Ни смысла, ни удовольствия. А как было бы славно, вот с такой милой девушкой пройтись по улице… Приобнять нежно за талию… А может быть по-

том и… Эх, я уже не молод… но я еще и не стар», – заключил он и решил попробовать.

– Позвольте спросить, – обратился он к даме в черных очках с красивыми розовыми бедрами, – Как вы находите эту жару?

Глупость данного вопроса поразила самого Ивана Моисеича до самой глубины души, но ничего более толкового в этот момент ему не пришло в голову.

К счастью дама не отреагировала.

«Так знакомиться нельзя», – подумал он, и ему стало грустно от собственной стеснительности. Он захотел перевернуться на другой бок и предаться размышлениям на сей скорбный предмет, и уже направил тело по определенной траектории движения, но дама, вдруг, произнесла:

– Толстячок, не посторожишь вещи?

– Простите? – замер он на половине пути.

– Я только окунусь, – она встала с широкого махрового полотенца, отделявшего ее от грязного песка, и, плавно покачивая бедрами, медленно вошла в воду.

У Ивана Моисеича гулко застучало в груди сердце.

* * *

На ней легкий изящный сарафанчик салатного цвета, накинутый прямо на влажный купальник, и легкие белые туфельки. Ни сумочки, ни часов, ни денег. Она словно вышла

во двор своего дома, разок окунуться в бассейне. Даже полотенце, наскоро осушив тело, бросила на песок за ненадобностью. На что Иван Моисеич со свойственной ему бережливостью горячо возразил, произнеся нечто вроде «зачем бросать хорошую вещь», извлек из портфеля ярко синий полиэтиленовый пакет и упаковал его, чем весьма ее позабавил.

Разместив пакет с мокрым полотенцем в портфеле, Иван Моисеич тут же выразил готовность проводить даму. «Видимо живет где-то рядом, – подумал он, – Это не может занять много времени». Ему очень захотелось продолжить знакомство, хотя он и не относил себя к числу женских ухажеров.

Она с видимой радостью согласилась. Все складывалось как-то само собой, на удивление легко и непринужденно.

Потом он было мороженое, теплый апельсиновый сок, красный шарик на длинном шнурке и прохладный тихий вечер. Ее звали Анюта. Так она назвалась. Не замужем, детей не имела. С увлечением рассказывала о своем сибирском коте, загородной даче и планах посетить Непал.

– И часто вы сюда приходите? – поинтересовался Иван Моисеич, когда желтая полоса песчаного пляжа Петропавловской крепости осталась далеко позади.

– Нет. Редко. Сегодня просто удачный день. Удалось сбежать…

– И мне… – он зажмурился, словно кот, – Хороший выпал денек. Солнце, песок, плеск волны… Приятно было отдохнуть, правда? Вот так после работы, зайти на пляж, погреть-

ся. Не каждый день это удается. А то все кабинет, кабинет.… Если бы не такие вот дни, которые иногда я себе позволяю, то я наверное бы сошел с ума. Столько работы иной раз наваливаться. И все срочно. И все давай, давай. О себе подумать совершенно некогда. Вот и сегодня навалились на меня.… А я взял и сбежал. Ну, их, думаю, так вся жизнь мимо пройдет. Все соки из меня высосете, черти, неблагодарные. Ничего с вами не случиться, если один день без меня обойдетесь. Просто взял и сбежал. Вот… И вас встретил. Прямо подарок судьбы. А вы где работаете?

– Я не работаю. По-моему работать это так унизительно. Продаваться за деньги, – непринужденно ответила Аня.

– Ну, я бы так не сказал, – смущенно возразил Иван Моисеич, – Конечно в некоторой степени свободный торг есть… но гораздо важнее правильно себя применить.

– Для этого работу искать не надо. К тому же я не люблю рано вставать. Куда-то с утра ехать, чем-то себя напрягать, когда этого совершенно не хочется. Просто ужас. Как можно так жить? – она скомкала опустошенную шоколадную обертку и решительно отшвырнула от себя. Та врезалась в стену жилого дома и упала на тротуар под ноги прохожим.

– Если вы человек свободной профессии, то конечно, – согласился он, нагнулся и подобрал с асфальта брошенный ею смятый комочек.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно вскинула она на него ясные очи.

– Творческое начало. Свободное проявление личности. Художественное выражение интеллектуальной, можно сказать, духовной деятельности, результат, которой столь высоко ценится, что сама деятельность обретает саморегулирующую функцию, – пояснил он и опустил бумажку в переполненную мусором урну. Они как раз проходили мимо нее. Иван Моисеич вообще не любил сорить и трепетно относился к чистоте не только своего рассудка, но и среды обитания. Нельзя сказать, что все это он произвел демонстративно или из желания кого-либо получить положительным примером бережного отношения к городу. Скорее всего, он сделал это машинально, как само собой разумеющееся. Сработал тот самый обычный рефлекс, какой проявляется у каждого, когда он смахивает со своего пиджака случайно упавшую на него пушинку. Вот так смахнул и продолжил, – Яркий пример этого мы находим в творчестве композиторов, художников, писателей и поэтов. Видимо и вы принадлежите к этой выдающейся части человечества.

– В определенной степени, да, – согласилась она.

– Я сразу так и подумал, – радостно улыбнулся он, – Все творческие люди встают поздно. Потому что ночь, это основное время для работы. По себе знаю. Сам увлекался сочинительством. В молодости. Сейчас уже не то. Времени нет. Особого настроения… А тогда… Все спят, город погружен во тьму, а ты, сидя возле свечи, в ночной тиши что-то творишь, творишь… Вы пишите?

– Что?

– Вы поэтесса. Я угадал? Вы что-нибудь мне прочтете из своего? Поверьте, я смогу по достоинству оценить глубину вашего таланта. По роду своей деятельности я издатель. Я мог бы помочь опубликовать ваши произведения.

– Ты делаешь книжки? – она уже давно называла его на «ты», словно своего давнего приятеля. Это получалось у нее настолько легко и естественно, что он не возражал и даже был рад этому, видя в том доброе предзнаменование упоительного сближения отношений. Но сам еще не решался перейти установленную воспитанием грань условного уважения.

– В основном я занимаюсь периодическими изданиями, – семенил он с ней рядом, – Журнал «В мире прогресса». Не читали?

– Так ты журналист, – разочарованного произнесла она с некоторым оттенком брезгливости и пренебрежения, словно разговор коснулся чего-то непристойного и нечистоплотного, – Как я могла так ошибиться.

– Я не журналист. Я редактор, – поспешил он исправить положение.

– Какая разница? Вы все готовы на всякую подлость, – заявила она и словно отрезала.

– Далеко не все. Смею вас уверить. Я знаю среди журналистов много очень и даже очень приличных людей. Вопросы этики для многих являются определяющими. Вот взять,

к примеру, наш журнал…

Иван Моисеич никогда еще столь красноречиво не расписывал все прелести свого издания, особенно женщине. Ему непременно хотелось вернуть внезапно потерянное доверие, произвести на нее впечатление, сразить глубиной своего интеллекта, покорить силой непоколебимой логики, обворожить стремительным потоком эрудиции. Словно павлин распушил он свои мозговые клеточки, блистая, как рыцарь мечом, озорным, острым словом. И ему это удалось. Она снова благосклонно и благожелательно назвала его на «ты» и даже позволила купить ей пластик жевательной резинки.

– Вы так и не открыли мне своей тайны, – завершил он краткий, но живой рассказ о своем социальном поприще, – Чем вы занимаетесь в свободное время?

– Не совсем обычными вещами.

– Звучит заманчиво. Я знаком со многими необычными вещами. Мне приносят множество разных рукописей, – забежал он с другого бока.

– Даже то, что нельзя объяснить? – кольнула она его острым взглядом.

– Почти каждый день, – ринулся он напролом, – Это же наша специфика.

– Хорошо. Но не сейчас, – заключила она неожиданно твердо и холодно.

– Звучит обнадеживающе.

Они шли вдоль набережной Невы мимо величественной

архитектуры Исаакиевского собора, и Медный всадник приветствовал их с высоты своей каменной глыбы.

Она положила мягкую руку на его плечо, мило улыбнулась, скинула с левой ноги изящную белую туфельку и вытряхнула из нее камушек. Он придержал ее за острый, прохладный локоток. Он чувствовал себя молодым и сильным. Он был готов свернуть бронзовому царю шею, если она того пожелает.

– Когда-нибудь, скоро, я буду здесь жить, – молвила она.

– Мы уже живем здесь, – философически заметил он.

– Я хочу дом с видом на Неву и этот памятник, – указала она в сторону Петра 1. От крамольности такой мысли тот гневно нахмурился.

– Это невозможно, – покачал он головой, – Тут нет рядом жилых домов.

– Нет, так будут, – невозмутимо ответила она и звонко рассмеялась.

Они шли и болтали о всяких пустяках. Иван Моисеич метал остроумием. Она непрестанно смеялась и слегка подтрунивала над ним. Он не обижался. Ему даже в голову не приходило обижаться. Ему нравилось, что она замечает, как он, такой полноватый и слегка неуклюжий, словно волнорез самоотверженно рассекает для нее людские потоки, прокладывая ей путь к дому. Но вместе с тем, чем дольше они шли вместе, тем все с большей силой наполняло его ранее незнакомое ощущение покорности. Он с удивлением обнаружил

в себе всевозрастающее желание угождать ей, незамедлительно и безропотно выполнять все её прихоти и желания. Новое ощущение оказалось настолько необычным, и в то же время приятным, что он даже усомнился в реальности происходящего.

Незаметно дошли до Садовой улицы.

– Хочу персик, – неожиданно заявила она.

Он тут же нырнул в темную глубину душной овощной лавки, откуда вскоре вернулся с кульком бордовых, ароматных фруктов. Потом она захотела расческу, смешную соломенную панамку, толстый журнал с красивыми фотографиями, чашку кофе с румяным пончиком…

Так много денег Иван Моисеич еще никогда не тратил по пустякам ни на одну женщину, даже в период брачных игр с законной женой Соней. Тогда он умудрился обойтись минимальными финансовыми потерями. Впрочем, и доходы в то время не позволяли многого. Поэтому, он обоснованно рассудил, что деньги могут найти гораздо лучшее применение, с пользой, так сказать, для каждого члена будущей семьи. Конечно, оно приятно доставлять маленькие радости симпатичной девушке. Но пустяки тем и отличаются от полезных вещей, что радость обладания ими быстро заканчивается.

«И зачем я это все делаю? – промелькнуло в его голове, – Сорю деньгами, будто миллионер. Выгляжу верно, как дурак. Особенно им буду, если на этом вот так все и кончиться.

Как всегда. Потрачусь и останусь в конце с носом».

– Нам еще далеко? – поинтересовался он, ощупывая заметно похудевший кошелек. Даже сердце слегка защемило.

– Нет. Уже рядом. Ты устал? – она взглянула на него своими лучистыми глазами и дурацкая мысль тут же испарилась.

– Вовсе нет. Просто, я подумал, что если еще далеко, то можно поймать такси.

– Пойдем пешком, – игриво заявила она, – Ненавижу машины. Надоели. Чуть что, сразу машина. Сидишь, как в клетке. Вся жизнь за стеклом проходит. Не успеваешь ничего заметить. Только поймаешь что-нибудь взглядом, оно тут же улетает мимо.

– У вас есть машина?

– И не одна. Лучше бы их не было. Люблю гулять пешком. Пусть далеко. Но пешком. Столько вокруг интересного.

– Вот у меня нет машины, – признался Иван Моисеич, – Не заработал, пока.

– Счастливый. А с виду не скажешь.

– Это от того, что я старый и толстый.

– Ты смешной.

– Совершенно не похож на романтический персонаж поэтического плана, правда? Это от того, что я слишком много времени работаю. Вот и толстый. И душой совсем зачерствел, можно сказать – засох, сидя на стуле. Дышу душной пылью чужих рукописей. Но не могу отказаться. Чем-то надо себя питать. Как-то добывать кусок хлеба. И не с кем

не поспоришь. Прав тот, кто платит. Иной раз хочется сказать: «Хватит!» «Прекратите таскать всякую бредятину!». Но потом подумаешь, ведь это мои кормильцы. Чем больше бездарных авторов, чем больше этих серных посредственностей, тем я нужнее. И смиряешься. Хотя иной раз голова идет кругом. Но читателям, этой публике вокруг нас, этой тупой толпе, нравятся эти бессмысленные опусы. Издателю тоже нравятся. Каждая глупость увеличивает тираж. Глупость тянется к глупости, питается глупостью и порождает новую глупость. И чем дальше, тем больше. Особенно в нашей стране. Поэтому я работаю. День ото дня. Месяц за месяцем. От зарплаты к зарплате.

– И не хочешь все бросить?

– А что я еще умею?..

– Может быть, что-нибудь еще умеешь?

– Еще я умею ворчать. Но за это деньги не платят.

– Ты любишь деньги?

– Не то, что люблю. Просто это такая жизненная необходимость. Каждый раз их оказываться меньше, чем приходится надеяться. Поэтому я привык соизмерять свои желания со своими возможностями. Иногда от этого становится грустно.

– Тебе надо денег?

– В данный момент они нужны для того, что бы сделать тебе еще что-нибудь приятное. И мне грустно от того, что в данный момент у меня их не так много, как того хоте-

лось бы.

– Хорошо. Стой здесь, – неожиданно приказала она, прислонив его к серой стене между каким-то кафе и «Булочной», – Возьми мою шляпку. Держи двумя руками. Крепче. Улыбайся.

Устремленный на него взгляд был пронзительный и властный, проникающий в самую глубину души. Сразу захотелось безотчетно следовать за ним, плыть по указанному направлению, плавно покачиваясь на мелодии ее голоса…

Мимо проходили серые длинные тени, взмахивали гибкими крыльями и что-то роняли в глубину шляпы, делали медленный пируэт и, танцуя, исчезали в малиновом мареве…

Когда он очнулся от наваждения, то с изумлением обнаружил в своих руках соломенную панамку полную различных денежных купюр.

– Что это? – воскликнул он.

– Деньги, – улыбнулась она, – Тебе нужны были деньги? Получай.

– Ты смеешься? Неужели я похож на нищего? Это какая-то шутка?

– Конечно, – согласилась она.

– Как это получилось?.. Я ничего не понял… Так быстро, и так много… Мне чтобы столько заработать целый месяц на работу ходить нужно…

– Подумаешь, ерунда какая. Каждый день ходить работу, как это, должно быть, скучно. Из-за вот этих вот денег? Если

мне что-нибудь нужно, то я просто беру. Говорю, что мне нужно. И все.

– И что мне теперь с ними делать? – в недоумении покачал он панамкой.

– Что хочешь. Можешь сунуть их в портфель. Ну, чего стоишь? – он послушно смял рукой пеструю бумажную массу в рыхлый комок и спрятал на дне портфеля, а она продолжала, – И вообще… Я не люблю спорить. Не люблю, когда мне возражают. Я никогда ни с кем не спорю. Просто говорю, и все соглашаются.

– Как можно с вами спорить? Я тоже соглашаюсь. Хотя сам удивляюсь почему, – признался он, ощущая в себе прочно укоренившееся, необычное, непреодолимое желание беспрекословно подчиняться во всем этой женщине.

– Вот так всегда и происходит. Скучно.

– Почему скучно?

– Скучно делать, что хочешь. Только мой кот всегда делает только то, что ему нравиться. Даже я не могу его заставить. Захочет лежать и лежит. И будет лежать. Захочет гулять и пойдет. Захочет играть и попробуй, возрази. Может быть, поэтому он мне и нравиться. Кстати, хочу мороженного.

Пока Иван Моисеич опорожнял бумажник на стоимость двух порций самого дорогого мороженного, она успела рассказать про своего кота еще несколько не менее поучительных историй.

Время незаметно приблизилось к вечеру. Рабочий день давно закончился. Но домой совершенно не хотелось, как не хотелось расставаться с новой очаровательной знакомой. Длительная прогулка совершенно не утомила. Даже наоборот, необычайно взбодрила, наполнила забытым ощущением молодости и силы.

Мило беседуя, вышли на набережную реки Фонтанки. Свернули направо. Иван Моисеич испытывал приятное возбуждение. Чем дольше он находился возле нее, тем сильнее охватывало его желание следовать за нею, быть рядом с нею, обладать ею. Чтобы произвести наилучшее впечатление он пустил в ход весь немудрящий арсенал шуток и глубокомысленных изречений, старательно демонстрировал свои физические возможности и душевные качества, приукрасив их проявление жизненными ситуациями. Он чувствовал, что понравился, что выпущенные стрелы обаяния не пролетают мимо, что она не случайно выбрала его и теперь не отпускает и ведет за собой с явным намерением не прерывать их случайного знакомства. И это придавало надежду в конце долгого путешествия ощутить прохладную свежесть уединения, приблизиться к ней, охватить стройную талию крепкими руками, зубами стянуть с нее ароматные влажные трусики и раствориться в беспредельности наслаждения.

Сладостные фантазии, обгоняя друг друга, кружили воображение, подгоняя вперед пружинистые ноги и разболтавшийся язык. Если бы до этого кто-нибудь сказал, что он мо-

жет быть настолько говорлив, то он вряд ли, в силу своего жизненного опыта, поверил бы такому человеку. И ни за что не согласился бы с утверждением, что увлечение случайной женщиной способно привести к столь необычному поведению. Он теперь походил больше на восторженного юнца, на влюбленного в госпожу пажа, чем на того степенного уравновешенного господина, коим явил себя на пляже в первые минуты знакомства.

Он мотыльком вился вокруг, декламировал стихи, то и дело взмахивая портфелем, словно крылом, губами наигрывал мелодии известных оперетт, подпрыгивал и оттаптывал балетные партии, являя новые грани своих талантов и одаренностей.

– Вот здесь я живу, – кивнула она в сторону серого пятиэтажного дома, готической архитектуры.

– Окна не на помойку? – пошутил он.

– Нет. На отель, – ответила она, указав в сторону гостиницы «Адмиралтейская».

– Приятный домик, смахивает под старину. Такой же средневеково-загадочный. Чувствуется, что здесь происходят необычные явления. Вы случаем не алхимик? Не окна ли вашей таинственной лаборатории скрываются под этой готической крышей?

– Какой ты глупый.

* * *

Тихая, скромная, белая ночь. Влажная мостовая. Шуршание шин одиноких машин. Пушистые облака.

Иван Моисеич сидел на скамейке возле ночного кафе. До открытия метро оставалось часов пять. На душе было противно…

А как хорошо все начиналось. Он проводил ее до самого дома, можно сказать, к самой квартире. Сумрачная тихая лестница. Пролет за пролетом до четвертого этажа. Она приложила к стеклянной панельке на стене, расположенной возле кнопки звонка, большой палец. Замок тихо щелкнул. Дверь плавно отворилась. Прихожая оказалась просторной и прохладной. Приятный полумрак, озорные глаза…

«Какой необычный замок», – заметил он.

«Спасибо, что проводил, – ответила она, – Я, наверное, наговорила кучу глупостей?»

«Что вы. Мне было так приятно. Я готов слушать их целыми днями».

«Я не могу тебе дать то, что ты хочешь. Но думаю, этот вечер ты запомнишь надолго».

«Я буду помнить его всю жизнь…»

Все далее происходящее всплывало в мозгу Ивана Моисеича словно дурной сон. Вернее некий лихорадочный кошмар, гнусное наваждение, плод больной фантазии озабоченного гинеколога. Уродливые гадкие образы отвратительными картинами медленно протекали перед его взором. Он на-

стойчиво отталкивал их от себя, отрицая всякое свое к ним отношение, но они навязчиво прилипали прямо к мозгам, копошась в них, словно черви в выгребной яме.

«Этого не могло быть, – твердил он себе, – Это не могло быть никогда».

Но память с тошнотворной настойчивостью очередного желудочного приступа возвращала истерзанному рассудку новую яркую подробность, повергая сознание в полное смятение и растерянность.

Квадратная высокая комната. Скромная мебель, мягкие ковры. Ничего лишнего, но все словно чужое, слишком чистое.

Он сидит на диване перед открытым окном. Под рукой прохладная шершавая кожа портфеля. С улицы веет теплом. Плавно покачивается зеленая ветка пыльного дерева… Смеркается… Где он?.. Кого ждет?..

Вошла Аня с подносом чашек и вазочек. Села радом, разлила чай по чашкам. Разговор ни о чем, ради общения… Неожиданно, он словно безумный набросился на нее и овладел ею прямо на диване, среди опрокинутой посуды.

Он помнит, как рвал на ней одежду, и как она льнула к нему всем своим дрожащим, волнующим телом, обуреваемая порывом ответной страсти. Никогда еще он не имел такого сильного влечения. Дыхание перехватило, в голове все смешалось, сердце отбойным молотком проламывало грудь, пальцы вонзались в жаркую плоть. Освобожденное от оков

стягивающих одежд тело подмяло её под себя. Обвило руками. Прижало к себе. Слилось и сплелось с ней воедино. Он яростно целовал ее. Целовал так, как не целовал ни когда и ни кого, страстно, самозабвенно, всепроникающе и неистово…

А потом… потом он обнаружил себя нагим на тяжело дышащей, изнемогающей, как ему показалось, старухе, толстой и потной, обхватившей его торс жирными, венозными ногами. Его едва не стошнило прямо на ее голую, отвислую грудь, сплошь покрытую мелкими, коричневыми, пигментными пятнами. Она сладко стонала, раздувая ноздрю с большой продолговатой темно-коричневой бородавкой, и счастливо улыбалась фарфоровым ртом, пуская тонкие прозрачные слюни.

Его перетряхнуло так, словно в него воткнули конец оголенного, электрического кабеля и при этом в естественное отверстие обратное ротовому. Слетев на пол, он схватил валявшуюся возле дивана одежду и, хрипя что-то невнятное, нырнул сквозь дверной проем в темную глубину коридора.

«Это безумие, – промелькнуло в его мозгу, – Я просто сошел с ума. Этого просто не может быть. Это галлюцинация…»

Простота и ясность этой мысли настолько успокоили его, что он остановился, повернул обратно и осмелился осторожно заглянуть внутрь комнаты, дабы убедиться в том, что это действительно так.

Та самая незнакомая и старая женщина сидела на диване и, кряхтя, медленно натягивала на ногу серый во многих местах заштопанный чулок.

Мир вывернулся наизнанку. Потолок обрушился на голову. Желудок врезался в горло. И первая мысль, ясные очертания которой он обнаружил в своей голове, касалась той неудобной позы, в какой он блевал прямо в пол, просунув голову между комодом и каким-то вонючим ящиком.

Очистив себя, таким образом, изнутри, он быстро оделся и осторожно на четвереньках двинулся в сторону выхода, огибая различные тяжеловесные предметы, возникающие на пути, каковых оказалось великое множество. Кто-то матерно выругался в глубину коридора. Оглушительно скрипнула сзади дверь. И он, словно ошпаренный, вылетел из квартиры, не помня, как миновал входную дверь и сумрачную тишину подъезда.

Он шел, почти бежал, не разбирая дороги и не имея перед собой никакой цели. Дворы, переулки, скверы, каналы, мосты сменяли друг друга как слайды проектора. Мысли летели в голове еще стремительнее, но облегчения не приносили. Его хваленая рассудительность покинула тело вместе с остатками пищи и теперь всецело принадлежала мрачным недрам захламленного коридора. В голове бушевала вьюга. Колючие примитивные образы вихрем кружились, цепляя друг друга, и большими кучами наваливались на воспаленное сознание, погребая его под тяжестью собственной пусто-

ты.

Первые признаки возрождающейся рефлексии он ощутил в себе при виде протирающейся до горизонта водной глади Финского залива. Дальше бежать было некуда.

Он опустился на большой серый валун, вперил помутневший взор в искрящийся водный прибой и освободил рвущийся наружу поток своего сознания.

Как такое могло быть? Как могло случиться, что он нормальный, уравновешенный, сдержанный человек с университетским образованием опустился до такого дикого извращения? Что могло разбудить в нем первобытные страсти, поднять их из темных глубин подсознания? Когда могла произойти эта невероятная трансформация? Кто произвел эту чудовищную перемену? Привлекательная, обаятельная, желанная девушка в один миг превращается в отвратительного монстра, а он из добропорядочного, интеллигентного, скромного и лояльного гражданина – в извращенца, которого следует изловить и упрятать в психушку. Или, может быть, монстр явился ему с самого начала? Тогда как он мог этого не заметить?.. Чему верить, тому, что было до, или тому, что стало после?..

Он подошел к кромке воды. Тихая волна ласково лизала подошвы пропыленных сандалий. Прозрачное небо хрустальным куполом распростерло над ним свою чарующую беспредельность. Плавно кружились чайки. Куда-то вдаль уходил треугольный парус крейсерской яхты. Покой и тиши-

на теплой июньской ночи шелестящей волной успокаивали потрясенную душу.

Он наклонился к воде, зачерпнул ладонями прохладную свежесть и омыл разгоряченное лицо. А может все не так уж и плохо?..

Он помнил, как Аня согласно опрокинулась на диван, как сладко она стонала, а потом, в момент наивысшего напряжения все рухнуло, и незнакомая чужая отвратительного вида старуха прильнула к нему, вспотевшая и разгоряченная, пытаясь захватить ртом его губы, и её длинные, сальные волосы прилипли к его языку… Он снова явственно ощутил несвежий кисловатый запах, прохладное прикосновение ее кожи, парфюмерный вкус дешевой губной помады… Детали, отвратительные детали, новой чередой всплыли одна за другой и бросили к парапету набережной. В очередной раз его вырвало в темные воды Невы.

Желудочное очищение принесло определенное душевное облегчение, нервное напряжение спало, и он снова стал думать о том, как это все понимать, но главное – как следует поступить и что надлежит сказать Соне в свое оправдание. Как человек порядочный и не искушенный в житейском блуде на ум ему не приходило ничего, кроме банальной неожиданной встречи школьных друзей, прогулки под гитару по ночной набережной… затянувшихся воспоминаний… Неудачное падение… Конечно, можно организовать что-нибудь экстренное на работе, но это легко проверялось,

при желании. И к тому же эти зудящие царапины на спине.... Поэтому, первое ему показалось лучше.

«Да, это будет естественнее. Только следует позвонить».

Он подошел к уличному таксофону и набрал номер своего домашнего телефона. Соня не спала. Встревоженный голос, скрытая обида. Он постарался говорить раскованно, весело, быстро. Мол, звоню, предупреждаю, хотел быть, но не могу. Витя уезжает, прибыл всего на один день, засиделись. Гуляем, буду утром, прости, спи, пока…

Он провел рукой по шершавой новообразовавшейся щетине на щеках, посмотрел на свое помятое отражение на стекле телефонной кабинки и представил себе насколько удивляться его коллеги, когда он явится в таком виде на работу.

Ему казалось, что все случившееся с ним написано большими буквами на его лице, что он него дурно несет, что он весь залит потом и слизью, что непременно каждая уважающая себя муха должна лететь вслед за ним, а каждый прохожий отворачиваться, зажимая рукой нос. Поэтому первое время он старался укрыться в плотной тени деревьев, держаться ближе к фасадам домов и всячески избегал открытых участков, где его легко могли увидеть милицейские патрули. Его тело начинало невыносимо чесаться и нестерпимо хотелось принять душ, вычистить зубы, сменить белье…

Однако вскоре он заметил, что никто из редких прохожих, а затем и посетителей укромного ночного кафе осо-

бого внимания на него не обращал. Словно с ним ничего не случилось, будто в нем не произошло никаких перемен или не видно особых признаков указывающих на что-либо неприличное и постыдное. Выпив стаканчик горячего кофе, он несколько успокоился, и все происшедшее стало обретать некоторые тона неприятного приключения.

Ночная прохлада, горячий кофе, табачный дым постепенно заслонили в памяти яркие неприятные моменты ужасного происшествия, и он несколько отвлекся от своих внутренних переживаний. Теперь, прогуливаясь по тихой набережной Невы, Иван Моисеич ждал наступление того времени, когда можно будет заехать домой, принять теплый душ, побриться…

«Какое глупое приключение, – думал он, – Дай Бог, не подцепить никакой заразы. Это трудно будет объяснить. Будет скандал. Терпеть не могу скандалов».

Он сплюнул. Ощущение грязи настойчиво напоминало о себе. Даже выпитый большой стакан апельсинового сока не перебил остаток неприятного парфюмерного привкуса. Хотя, может быть, это был вкус дешевого растворимого кофе…

«Нужно сменить рубашку и нижнее белье».

Он постарался подумать о чем ни будь хорошем, например, о работе, об оставленных на столе рукописях.… О, Господи!.. Он оставил там свой портфель… Бумаги, записная книжка, ключи от дома! Боже!.. Когда он стремительно по-

кидал постыдное место, то портфеля в руках не было. Следовательно, он остался в квартире, возле дивана. Он вспомнил, как переложил портфель с дивана на пол, давая Ане присесть рядом. Где же ему быть, если не там!

– Какой кошмар! – прошептал Иван Моисеич и холодный пот в очередной раз пропитал помятую, несвежую рубашку.

Предстояло вернуться. От одной мысли об этом ему снова стало плохо. Он присел на холодный камень гранита, сунул руку в карман, достал письмо Алексея, перечитал, погрузился в воспоминания…

Постепенно мысли вернулись к привычному, размеренному течению, все дальше и дальше удаляясь от противного предмета внутренних переживаний, делая его все меньше и меньше, так, что к рассвету он почти полностью освободился от неприятной зависимости. Осталось только удивление странному происшествию, собственному поступку, так навязавшемуся со всей прошлой жизнью и благоприобретенными принципами. Нужно только вернуть забытый портфель и окончательно выкинуть из головы все минувшее, как некое недоразумение, нервный срыв, наглядное свидетельство чрезмерного умственного переутомления.

«Пора уходить в отпуск, – подумал Иван Моисеич, – А то совсем тут свихнусь».

* * *

Следует отметить, что Иван Моисеич, до этого странного случая, имел довольно сложные отношения с женщинами. Не то чтобы они пугали его, скорее наоборот. Иногда ему даже казалось, что он может иметь среди них определенный успех. Но, то ли из-за вечной робости, то ли из-за отсутствия непосредственной необходимости или, может быть, подходящего момента, а скорее подобающего обстоятельства, у него как-то не получалось доводить знакомство до определенной степени завершенности. Тем более, что жил он тихой размеренной жизнью в двухкомнатной квартире одного из спальных районов Санкт-Петербурга довольно далеко от места своей работы. И если посчитать все время, какое он затрачивал на передвижение и общественную жизнь, то станет понятным, что для личной жизни у него не оставалось ни сил, ни времени. Ну, кто станет знакомиться с хорошенькой девушкой в метро по дороге на работу, когда главная задача в этот момент выжить, не оказаться затоптанным или сметенным очередным приступом напористых горожан, непременно желающих втиснуться в один вагон с вами. Или кому придет в голову пытаться навязать свое общество приятной, голодной женщине в очереди за обедом, когда у самого в животе неприятно бурчит. А после работы? Даже если закончить попозже, намеренно пропустив время великого перемещения народонаселения транспортными артериями большого города, то мысль об отдыхе и ужине становится гораздо сильнее желания производить дополнительные расходы

на установление отношений с неизвестным результатом.

Нет. Флиртовать с хорошенькими женщинами – это удел людей состоятельных. Мало того, богатых бездельников. Только они могут позволить себе пустить пыль в глаза. Одарить блестящей безделушкой, угостить дорогим обедом, напоить шампанским и хорошим коньяком, остановиться и подвезти в роскошном автомобиле, а затем овладеть и приклеить к себе на неопределенное время. Гостиницы, рестораны, театры – это все не для него, скромного работяги, чьи фантазии распространяются не дальше суммы свободного остатка месячного оклада плюс подработка. И это несмотря на то, что он женат и известные потребности, особенно после плотного ужина, следующего за непродолжительным отдыхом, находили свое удовлетворение с равной степенью регулярности и остроты.

Правда, несколько раз он предпринимал робкие попытки скрасить свою будничную жизнь живыми ощущениями. В этом большое участие принял в свое время Леша Наклейкин, его давний приятель и однокашник, особый ценитель и поборник женского пола. Года два назад он как-то пытался завлечь Ивана Моисеича в орбиту своих низменных интересов, затащив на некие увеселительные вечеринки с участием «хороших девчонок», и даже добился в этом определенного результата. Три раза Иван Моисеич приходил на них. Но всякий раз это заканчивалось полным позором и крахом иллюзий. «Хорошие девчонки» оказывались прокурен-

ными, нахальными существами, жадными до дармовой выпивки и беззастенчиво попирали всякие представления о чистоте общения полов. Их лексикон, манеры, отвратительные пристрастия, взгляды на жизнь и непроходимая глупость начисто отбили всякое желание обрести в этой среде стабильные отношения. В результате он прослыл снобом и полностью вернулся в распоряжение жены, с которой все проходило просто и привычно, и которая не требовала ничего особенного, будучи терпеливой и ненавязчивой.

После этого жизнь потекла день за днем. Работа – дом, дом – работа. Привычными маршрутами и привычными делами. Отпечатанные номера журналов один за другим ложились в пачку законченных дел, формируя тот самый архив который, наверное, любопытно будет поднять и вспомнить где-нибудь на закате дней. И только в глубине души теплилась надежда на некие перемены, способные вырвать его из неблагодарной серой массы к тому заоблачному звездному сиянию, где он, наконец, обретет то самое счастье и гармонию, что только там и может иметь место.

Иногда его душевное уединение нарушала суетливая не по годам матушка. Она неожиданно набегала, готовила что-то свое «фирменное», перемывала кости родне, жаловалась на здоровье, тяжелую жизнь, соседей, молола всякую чепуху и раздосадованная уходила, ибо не находила в нем того сочувственного понимания столь близких ей обидных проблем, на какое она в свойственной ей эгоцентрической

манере постоянно рассчитывала и добивалась.

Поэтому единственным спутником постоянно оставалась его старая школьная подруга Соня. С ней он коротал длинные вечера на диване возле телевизора. С ней посещал магазины и строил планы на тот отрезок своей жизни, что начинался от дня свадьбы. Она была далеко не красавица, но, как всякая полукровка, унаследовала от каждой своей половины самое лучшее и типичное, что придало ее светлой пышной славянской внешности восточную утонченную эффектность. По характеру тихая и скромная, она являла достаточно твердости в достижении поставленной цели и особенно не церемонилась с теми, кто уже принадлежал ей по праву. Вместе с тем бурно своих чувств не проявляла, к выяснению отношений не стремилась, была покладиста, но излишне домовита. Она скорее относилась к тому типу людей, которые не переживают, а действуют, не спрашивают, а берут. Именно она, сначала сблизив их отношения, затем установила их на более постоянной основе, привязав к шее Ивана Моисеича надежный поводок покладистого телка, и повела его дальше за собой по совместной жизни. Скорее всего, она любила своего мужа. Но, вполне может быть, первоначально, в первые годы замужества, обрела его для себя как последнюю реальную надежду устроить свою личную жизнь, что называется за неимением ничего лучшего. Однако, со временем, узнав более близко, а возможно просто прижившись с ним рядом, нашла в нем вполне подходящего и приличного чело-

века. Незлобивый, спокойный, интеллигентный и порядочный, в меру своих угловатых мужских способностей проявлявшей о ней заботу и внимание. Даже если вначале в ней и не обретало множество страстных чувств в отношении его, то затем, сердце ее дрогнуло от созерцания столь трогательного беззащитного существа, и она уже и не мечтала найти в жизни нечто большее, вполне довольствуясь тем, что обрела и имела. А имела она его довольно часто. Настолько, что их близость стала для него чем-то ритуальным и обязательным, чем-то вроде отправления естественных надобностей, само собой разумеющимся, непременным и бытовым. Это привычка, как нельзя более ложилась на замкнутый характер Ивана Моисеича, и в свойственной ему неторопливой манере он не спешил искать каких-либо сомнительных приключений, предпочитая сохранять благоприобретенное в неизменном состоянии. Тем более, что Соня вполне соответствовала тому идеалу жены, что за прожитые с ней годы она сформировала в его сознании. Хотя внешне она все более и более удалялась от того светлого образа возлюбленной спутницы, что в его мечтах сопутствовал воплощению предначертанного ему высокого предназначения.

Любил ли он Соню? Видимо да, по-своему, без излишних проявлений и где-то глубоко в сердце. Но более он любил тихое ее присутствие в доме, уют и тепло, участие и заботу. Он отвечал ей тем же, и даже испытывал счастье, когда видел радость в ее глазах. Он не пылал страстью, но искренне

сопереживал ей. Он внутренне заражался от нее, и настроение его во многом определялось настроением ее чувств.

Быть может в де дни, когда их встречи не случались так часто, и их близость воспринималась как волнующее событие, он искреннее полагал, что в ней он обретет свое счастье. Но потом, когда волна первых чувств обратилась в спокойное озеро повседневной жизни, он быстро привык к ее существованию подле себя, сроднился и сросся с ее присутствием в доме, как с чем-то естественным и само собой разумеющимся, как привыкают ко всему хорошему, уже не воспринимая его как дар судьбы или удачу, а все более ощущая как лишний вес в теле или облысение.

Тем не менее, в последний год они, наконец, решились совместными усилиями положить конец этому относительно независимому друг от друга существованию. И Соня, как водиться в таких случаях, приняла на себя основную ношу связующего их начала, предоставив Ивану Моисеичу заботу о материальном укреплении гнезда, куда буквально через несколько месяцев она принесет достойное продолжение их рода.

Поэтому то, что с ним произошло, стало событием в его жизни настолько из ряда вон выходящим, что он думал об этом всю ночь, не смея явиться домой и показаться жене, искренне опасаясь проявления того внутреннего ощущения, что буквально раздавило его своей непростительной отвратительностью, даже невероятностью, но более всего непости-

жимой абсурдностью.

* * *

Ранним утром, часов в восемь, ибо раньше являться не имело ни малейшего смысла, Иван Моисеич, благоразумно решив для себя сделать вид будто ничего существенного не произошло и изо всех сил стараясь настроиться на благожелательный тон разговора с Аней, благополучно, во встречном направлении, миновал массивные двери подъезда и подошел к той самой квартире. Именно в ней, насколько он помнил, состоялась их встреча. Конечно, вчера он довольно быстро ушел, как следует, не попрощался, в чем, безусловно, виноват, но как человек творческий и рассеянный, тем не менее, надеется на снисходительное отношение и возврат оставленного портфеля. В нем деловые бумаги, документы, деньги, ключи и все такое… Причина, казалась, довольно убедительной. Соответственно, ранний визит не должен выглядеть наглым, тем более, что Аня не оставила номер своего телефона. В конце концов, она женщина и он не виноват, что… его нервно передернуло.

Вот она та сама дверь. Гладкая поверхность темного дорогого дерева. На стене возле кнопки звонка все та же квадратная панелька темного стекла. Он минуту помедлил. Кто явится на звонок: Аня или та, другая?.. Если это будет не Аня, то… Может, это была просто галлюцинация?..

«И как раньше я не догадался об этом? – хлопнул себя по лбу Иван Моисеич, – Я же никогда не употреблял наркотиков. Она что-нибудь добавила в чай. Увлеченная мною, решила меня подзадорить и не рассчитала дозу. Элементарно. Я стал жертвой передозировки.… Но я не пил чая… Я не успел его даже попробовать!..»

Он отлично помнил, как Аня разила чай, и в это момент он набросился на нее. Зазвенели чашки…

В любом случае следует соблюдать осторожность и приличия. В конце концов, необходимо, во-первых, просто вернуть портфель… Во-вторых, сгладить двусмысленную ситуацию… Но он же ни в чем не виноват! Он жертва. Это она должна просить у него прощенья. Это она должна объяснить ему, что с ней стало, и почему он повел себя таким неадекватным образом…

Дверной звонок резким электрическим разрядом прорезал гулкую тишину квартиры и вернул Ивана Моисеича на грешную Землю.

Один. Второй. Третий. Никто не открывал и даже не подходил к двери. Внутри гудела пустота, как в бездонной железной бочке. Неужели никого нет? Не может того быть. Что за ночь могло произойти? Конечно, за это время могло случиться множество событий. Как, например, случилось с ним… Она могла уехать, заболеть, уйти в ночной ресторан, к подруге, засидеться в казино, наконец, просто напиться и крепко спать…

Он позвонил снова и весьма настойчиво. Безрезультатно.

Правда, оставалась надежда, что она просто куда-то вышла, хотя, говорила, что не любит рано вставать, и напрягать себя какой-либо работай. Но что могло заставить ее покинуть квартиру?

Что делать? Ждать?.. Зайти позже?.. Начинать розыск?..

С одной стороны можно пойти на работу и без портфеля и затем заехать за ним позже. Но с другой стороны, без него он чувствовал себя крайне неуверенно. Главное, что в нем находились ключи от дома, записная книжка со всеми телефонами и рукописи. Их он должен отредактировать к ближайшему номеру, то есть сегодня. Нужно срочно что-то предпринять, чтобы вернуть их, установить, узнать, спросить…

Единственные соседи по лестничной площадке, как водиться ничего не знали, и знать не желали. Из их резких однозначных ответов он понял, что хозяйка квартиры никому даром не нужна, никто ее давно не видел и видеть не хочет, и если ему непременно требуется найти её, то он может подождать на лестнице, может быть, она когда-нибудь и придет.

Легко посоветовать ждать, сидя в уютной квартире у себя дома за крепкой железной дверью. Но что оставалось делать? Уйти и бросить все на волю судьбы, злого слепого случая или, преодолев себя, пожертвовать хорошим расположением начальства и упорно добиваться своего? Конечно, он выбрал последнее и стал ждать.

Прошел час, второй, пятый…

Серая, обшарпанная лестничная клетка, в которую он добровольно заточил себя, холодным бездушным камнем давила истерзанную сомнениями душу Ивана Моичеича. Голодный, немытый, злой и небритый к концу рабочего дня он являл собой ужасное зрелище.

Хлопнула дверь подъезда. Кто-то стал медленно, шаркая по ступеням, подниматься наверх. Прошел второй этаж, третий, остановился, откашлялся, пошел выше и вот в поле зрения Ивана Моисеича появился маленький, невзрачный старик. Сутулый, костистый, востроносый. Морщинистая серая кожа. Светлая пропотевшая рубашка. Широкие бежевые брюки. Смерил лестничного сидельца подозрительным взглядом, подошел к заветной квартире и приложил палец к стеклянной панельке на стене.

Тихо сработал электрический замок, дверь плавно открылась.

– Простите, Аня… скоро придет?

– Какая Аня? – удивился старик.

– Которая здесь живет.

– Не знаю никакой Ани.

– Но здесь живет Аня.

– Отстаньте от меня, молодой человек. Вам ясно сказано, я не знаю никакой Ани.

– Но вчера вечером… Здесь вчера вечером была Аня. Высокая… красивая женщина… светлые волосы…

– Об этом мне ничего не известно. Здесь, сударь, простите, живу я.

– А где же Аня?

– Я не знаю, о ком вы говорите. Оставьте меня в покое.

Дверь захлопнулась. Иван Моисеич совершенно неожиданно налетел на глухую стену.

Не может быть, чтобы он перепутал квартиру. Он отлично помнил этот дом, подъезд, этаж, эту самую искусно выделанную дверь с этим необычным замком. Именно его вчера вечером прикосновением руки отварила та самая Аня… Та же дверная ручка, та же панелька… Кто этот старик? Почему он самым бесцеремонным образом захлопнул двери той самой квартиры перед его носом? Не было никаких сомнений, что именно там он вчера и находился, именно там теперь должен лежать его портфель, записная книжка, ключи и бумаги… И теперь, вместо того чтобы вернуть их, его оскорбили самым бессовестным образом, презрев все высокие нормы морали и человеческой порядочности, можно сказать, смыли в очередной раз бурлящим потоком в грязные глубины городской канализации.

Новое препятствие, воздвигнутое стариком на пути Ивана Моисеича, настолько смутило его, что он оторопел и некоторое время, растопырив в стороны руки, стоял перед дверями квартиры, как соляной столб. Такого оборота событий он не ожидал. Конечно, где-то в глубине души, как самое неприятное, допускалась возможность получения неко-

его отрицательного результата, но все же не настолько враждебного. Некоторое обострение отношений вполне могло состояться. Она могла не пустить его или обидеться, посмеяться над ним или просто прогнать. Но это все имело возможность для преодоления. Пусть не сразу, но убедительные аргументы в защиту своей собственности, в конечном итоге, возымели бы должное действие. Он представлял себе как она швыряет на пол портфель, а он, театрально заламывая руки, смиренно попросит прощения за своей неожиданный уход, и, в конечном итоге, добивается снисхождения. Она опять завлекает его, а он, как настоящий мужчина… Какая наивность.

Мысли спутались в голове Ивана Моисеича. Эмоции стали стремительно сменять одна другую. Некоординированные жесты и движения перемежались стенаниями с экспрессивными выражениями боли и отчаяния. День утомительного сидения в сыром подъезде дома давал о себе знать. Нестерпимо болела спина и ноги, страшно хотелось есть, полежать на мягкой пастеле, но пуще умыться, пусть даже под тонкой струйкой холодной воды.

Да, слишком утомлен оказался мозг для того чтобы принять правильное решение в этот решительный момент жизни. Поэтому он не поверил старику. Неоправданно агрессивно тот вел себя и явно не хотел идти на контакт. Почему? Если старик ничего не знал, то он мог это объяснить более спокойно и доброжелательно. Но тот намеренно не желал отве-

чать на вопросы, избегал их, словно ему приходилось делать это десятки раз в день. Следовательно, старик что-то знал, но не хотел об этом говорить. Значит, его нужно заставить. Но как? Просто сидеть, ждать или действовать? Если ждать, то как долго? А если действовать, то как следует правильно поступить? Ну, не идти же в милицию с жалобой на старика, за то, что тот прячет у себя в квартире Аню, забравшею его портфель?

Иван Моисеич решительно подошел к двери и снова нажал на звонок.

– Кто? – раздался скрипучий голос из-за двери после третьего весьма продолжительного и требовательного напоминания о наличии визитера.

– Простите меня, пожалуйста, за беспокойство, – как можно более спокойно и ласково начал Иван Моисеич, – Но вынужден еще раз справиться у вас относительно Ани. Поверьте, она очень нужна мне. У нее остался мой портфель, коричневый, кожаный с двумя замками, с бумагами. Он очень мне нужен. Помогите, пожалуйста.

– Я уже ответил вам, что не знаю никакой Ани. Вы ошиблись, молодой человек.

– Я не мог ошибиться. Поверьте. Я вчера был здесь вместе и забыл свой портфель. Вчера, возле дивана. Посмотрите, пожалуйста. Он наверняка еще лежит там.

– Вы путайте ни меня, ни себя. Нет здесь ни Ани, ни вашего портфеля. Уходите.

– Если вы мне не откроете, то я буду вынужден заявить в милицию.

– А если вы немедленно не уйдете, то я сам вызову милицию.

– Вызывайте. Вызывайте потому, что я никуда не уйду, пока не верну свой портфель. И если нужно буду колотить в вашу дверь всю ночь.

– Вы начинаете мне надоедать.

– Ты сам мне надоел. Открой немедленно. И отдай мой портфель.

– Отстаньте от меня со своим портфелем.

– Не отстану. Пока не отдашь портфель, старый негодяй.

– Вы просто хам!

– Если не откроешь, то я выломаю дверь к чертовой матери!

– Это уже переходит всякие границы! Немедленно уходите и оставьте меня в покое со своим портфелем, хулиган!

– Да вы просто жулик!

– Да как вы… посмели!?

– Жулик и вор!

– Я вас предупреждал. Я звоню в милицию.

– И скажи им, чтобы быстрее ехали, мне уже надоело торчать здесь. Я уже здесь целый день торчу, что б вам всем пусто было!

Старик ничего не ответил из-за двери. На лестничной площадке воцарилась полная тишина, ненадолго. Минуты

через три возле подъезда резко затормозила машина. Хлопнули дверцы и несколько человек стали стремительно подниматься по лестнице. «Лучше бы я ушел», – подумал, вдруг, Иван Моисеич, когда к нему подлетели трое здоровенных парней, к милиции явно не имеющие никакого отношения. Их намерения явно читались на замороженных лицах. Двое бесцеремонно схватили Ивана Моисеича под руки, а третий деликатно позвонил в знакомую дверь.

– Этот? – спросил он.

– Он самый, – выглянул из-за двери старик, – Успокойте его. Шумный.

– Сделаем.

Иван Моисеич никогда не предполагал, что его тело может так мало весить. Два парня стремительно вынесли его на улицу под руки и, как мешок картофеля, закинули на заднее сиденье черного тонированного джипа, после чего с двух сторон спрессовали своими каменными торсами. Третий, звонивший в дверь, вполоборота повернулся к с переднего сиденья и, по-хамски обдав сигаретным дымом, спросил:

– Чего шумел?

– Я ищу Аню. Она живет в этой квартире.

– Чего к Титычу лез?

– Я не лез к нему. Я только хотел спросить про Аню.

– Кто такая Аня?

– Это моя… подруга.

– Ты кто?

– Я всего лишь литературный редактор в одном журнале.

– Журналист?

– Я работаю в редакции, – шестым чувством Иван Моисеич понял, что сказал что-то лишнее.

– Чего надо было от Титыча?

– Я хотел видеть Аню. Она живет в этой квартире. Вчера я у нее там был и оставил своей портфель. В нем бумаги. Понимаете?

– Ну, и что?

– Я хотел забрать свой портфель.

– Чего ты мне тут пургу метешь?

– Аня привела меня в эту квартиру, понимаете?

– Слушай. Я все понимаю. Чего тебе от Титыча было нужно?

– Мне от него ничего не было нужно?

– Тогда зачем к нему лез?

– Не лез я к нему!

– Врешь.

Ивана Моисеича в последний раз били в далеком детстве. В начальной школе на перемене ребятишки из параллельного класса пытались ему внушить некоторые истины из области национального вопроса. Все происходило настолько наивно, и было так давно, что все неприятные физические ощущения, связанные с этим, начисто стерлись из его воспоминаний. Поэтому оглушительность прямого удара в лицо и резкая, нестерпимая боль, обрушившаяся вслед за ним, на-

столько парализовали сознание, что когда он через несколько минут пришел в себя, то машина уже ехала. Смеркалось. Во рту было полно крови.

– Очухался? – третий смотрел на него вполоборота.

– Я ничего не хотел плохого. Я просто искал Аню.

– Зачем ты лез к Титычу?

– Я искал Аню.

Второй удар снова выключил сознание Ивана Моисеича. Когда он очнулся, они уже подъезжали к Смоленскому кладбищу. Мертвящий холод пробежал по всему телу. От ребят веяло холодной решимостью и смертью.

– Сам пойдешь или тебя вынести?

– Ребята, простите, я ничего не хотел плохого.

– Вылезай.

Один из рядом сидящих схватил его за волосы и грубо выволок из машины. Иван Моисеич взвизгнул от резкой боли, но тут же получил сильный удар ногой в живот. Дыхание резко перехватило, сознание снова померкло. Тем временем его притащили к свежевыротой могиле возле самой ограды кладбища.

– Слушай, журналист, последний раз спрашиваю, чего тебе было нужно?

– Я хотел видеть Аню, правда, поверьте, простите, я ничего не хотел плохого…

– Я тебя сейчас здесь зарою, понял?

– Не надо, прошу вас.

– Если ты мне не скажешь, чего тебе было нужно, я тебя здесь зарою, падла.

– Аню… Мой портфель… ничего больше…

Его били минут десять. Сильно с разных сторон, профессионально, соизмеряя силу ударов с тем, чтобы больше ни на секунду не выключалось сознание и он полной мерой ощущал всю боль, какую только они способны были у него вызвать. Захлебываясь в крови и едва переводя дыхание, Иван Моисеич все повторял и повторял свое бесконечное признание: «Аню… Мой портфель… Больно…».

Наконец, они сбросили избитое тело на дно могилы.

– Кончать будем?

– Сам сдохнет.

Утомленные проделанной работой, они с дьявольским наслаждением помочились на него сверху и ушли. Обломки небесной сферы погребли померкшее сознание Ивана Моисеича.

* * *

Иван Моисеич пришел в себя только под утро. Он лежал на тихой зеленой лужайке, прислоненный спиной к холодной стене кладбищенской ограды. Как он попал сюда, он не знал. Видимо его перенесли сюда сердобольные хозяева могилы, которую без их ведома он самовольно занял или кладбищенские служители, определившие, что по состоянию свое-

го здоровья он преждевременно претендует на это место.

Идти он не мог, пошевелиться тоже, поэтому ему пришлось пролежать еще часа два, пока на его стоны не вышли ранние собачники, прогуливающие своих четвероногих питомцев перед завтраком. Они вызвали скорую помощь и Ивана Моисеича доставили в дежурную клинику, где его отмыли, переодели в казенную пижаму и поместили в общей палате. Впрочем, это обстоятельство несильно уязвило его самолюбие, ибо адекватно воспринимать окружающую действительность он начал только спустя сутки.

Глава 4. Общество больных

Общая палата травматологического отделения Городской больницы №5, куда поместили Ивана Моисеича, слыла самой демократичной и принимала любое поврежденное тело мужского рода. Предлагаемый здесь скромный и ненавязчивый уровень медицинского сервиса не стремился претендовать на какую-либо оценку по европейскому стандарту, хотя, безусловно, мог бы занять одно из ведущих мест в соревновании с африканскими странами. Попадающий сюда контингент, в виду своего бедственного положения, как правило, не проявлял особой взыскательности и долго тут не залеживался. Особенно, если жизненные силы травмированного организма еще способны были оказать активное сопротивление предлагаемым средствам и методам лечения. Как правило, такой пациент довольно скоро самостоятельно покидал палату, с полным осознанием необходимости подобного шага. Если же очередной скиталец предпочитал быстрый конец долгим мучениям, то палата представлялась ему вполне подходящим промежуточным пунктом в круговороте вечного бытия.

Пациентов в палате располагали в два ряда головой к стене и ногами к проходу. Так, видимо, удобнее заносить и выносить, в случае надобности. Возле каждой койки имелась тумбочка, куда постоялец мог сложить все то, что не по-

мещалось в его кровати. Над изголовьем железной иконой выпирал вмурованный щиток отвратительного серого цвета с окаменевшими тумблерами подачи кислорода и вызова дежурной медицинской сестры. Провода, некогда питавшие сие оборудование, за давностью лет рассосались в толстом слое штукатурки и поэтому, чтобы не нарушить целостность и сомнительную белизну стен, сверху бросили толстый провод в черной металлической оплетке, подходящий к свежему пяточку розовой электрической розетки. Её, видимо, подвели на случай подключения какой-либо медицинской аппаратуры, если таковую соизволят принести расторопные эскулапы. Функцию дежурного вызова выполнял самый подвижный из пациентов, благо, что до медицинского поста шкандыбать не так уж далеко, не более пятидесяти метров.

Справа от входа в палату находилась облупленная эмалированная раковина, напротив нее, возле окна в проходе громоздился замусоленный кремово-желтый стол, служивший подставкой бойко работавшему транзисторному переносному телевизору, видимо принадлежащего одному из больных, единственно использовавшему электричество, обитающее в розетках.

Из двенадцати койко-мест к моменту внесения Ивана Моисеича пустовало не более половины. В летний период времени народ как-то не стремился попасть на тощие, дармовые харчи, предпочитая проводить время в общении с целительными силами природы.

Ивана Моисеича положили справа от двери, рядом с умывальником. Это было не самое лучшее место. С одной стороны оно представлялось удобным, так как слева находилась стена и имелась возможность хоть какого-то уединения, если повернуться к соседям спиной, но с другой, почти каждый из сопалатников постоянно что-то мыл и мелкие брызги долетали до Ивана Моисеича, досаждая ему своей неопределенной чистоплотностью.

Первые дни пребывания в общей палате прошли для Ивана Моисеича относительно спокойно, ибо он не находился в состоянии адекватно воспринимать окружающего его действительность. Зато отчетливо запечатлелись в мозгу черные круги испуганных глаз, дрожащий голос и нервное возбуждение жены Сони. Едва только он смог идентифицировать ее внешние контуры со своим внутренним образом, так сразу возникла срочная необходимость искать оправдание своему неблаговидному положению. Будучи не в состоянии придумать какую-нибудь сложную жизненную комбинацию, он ограничился крайне сдержанным объяснением, упомянув только то, что подвергся нападению неизвестных лиц, получил удар сзади по голове и больше ничего не помнит. Очнулся только в больнице, весь избитый, без портфеля, ключей, документов и прочей мелочи. Отметив про себя, что данная версия выглядит вполне убедительной, он принял ее на вооружение, и, в последующем, постоянно твердил, как молитву, всякий раз, когда кто-нибудь обращался к нему за по-

добными разъяснениями, так, что вскоре больше никто с досужими расспросами больше не приставал, включая коллег по работе. Те также вскоре не преминули поинтересоваться судьбой рукописей, сданных на редактирование.

Аналогичную историю он рассказал и сотруднику милиции. Тот посетил его примерно дня через три после поступления в палату и дежурно поинтересовался обстоятельствами получения телесных повреждений. Иван Моисеич нашел в себе силы не плакаться в казенную бронежилетку. Тем более, что пользы от этого не виделось никакой. Даже если представить себе, что удалось бы обвинить подлого старичка в организации нападения, то это означало бы, вслед за тем, признать за собой вину в постыдном соитии. От одного воспоминания о нем становилось дурно. Данные объяснения вполне удовлетворили не сильно дотошного блюстителя порядка, и он удалился, оставив потерпевшего в покое.

«В конце концов, это вполне достойное наказание за мои идиотские поступки, – решил про себя Иван Моисеич, – Пусть на совести каждого останется грех его. Пусть каждому воздастся за то, что он совершил. Я свое получил сполна».

Благодаря несомненной простоте и ясности предложенной версии происшествия даже жена Соня перестала его мучить выяснениями причин и условий, но по-прежнему доставала своими дурацкими женскими причитаниями, настолько, что ее частые посещения стали тяготить больного с каждым разом все сильнее. Он настойчиво отсылал ее домой.

Но этим лишь причинял ей большие страдания. Не понимая, что с ними происходит, она воспринимала его отношение к себе как незаслуженную, внезапную отчужденность. Но жуткая жалость к нему при виде жалкого его существа настолько переполняла ее слезным сопереживанием, что, как дама, к тому же находящаяся в интересном положении, она истерично требовала к нему внимания любого проходящего мимо медицинского работника по любому поводу, чем, видимо, изрядно потешала местную простоватую публику.

Соня приносила привычную и съедобную пищу, кормила его, общалась с соседями по палате и медицинским персоналом. В первый же день она учинила форменный скандал заведующему отделением. После чего отношение к Ивану Моисеичу резко переменилось. Алкоголиком называть перестали, выдали новые импортные лекарства и сменили постельное белье. Но в отдельную палату, несмотря на категорические требования, так и не перевели, пояснив, что иных мест в больнице пока нет.

* * *

Одним из размещенных в палате тяжелобольных оказался неопределенного возраста бомж Василий. Он лежал возле окна справа, словно древнеегипетская мумия весь загипсованный с головы до ног, окруженный хитроумным сооружением из противовесов. Его, бредущего ночью по дороге,

сбил неизвестный автомобиль, предположительно иномарка, и теперь, он являлся одним из тех, перед кем медленно, но верно открывалась дорога в бесконечность. Василий это понимал, и все это понимали. Множественные переломы костей не срастались, раны гнили, обострились хронические заболевания внутренних органов, внешнее проявление чего явственно ощущалось за несколько метров до его койки. Из немногочисленных прописанных ему дешевых лекарств лишь немногие доходили до цели. Одни терялись на медицинском посту, другие сметались в мусорную корзину безжалостной рукой соседей по палате. Измученные его назойливым присутствием они надеялись, таким образом, добиться его перевода в реанимацию. Врачи так же особого интереса к этому пациенту не испытывали и практически махнули на него рукой.

Василий одни из немногих безропотно принимал бездушное кулинарное творчество местного кашевара. Кормила его, как правило, санитарка. Наскоро закидав в ротовую полость несколько ложек больничного варева, она тут же уносила прочь ноги, вместе с тарелкой, приговаривая «вас таких много, а я одна». Иногда сердобольная сиделка предоставляла завершение дела кому-либо из добросердечных соседей, каковых, впрочем, как правило, не находилось. Обычно содержимое тут же уносилось на кухню, с пояснением «чейто сегодня он больше не хочет». Но чаще его докармливала бомжиха Ольга, женщина неопределенных лет, широ-

кая, костистая, с опухшим лицом и разными глазами. Она несколько раз на дню приходила проведать своего друга. Никто не знал, откуда она появляется, то ли из соседней палаты, то ли с улицы. Говорили, будто она попала в аварию вместе с ним, но пострадала значительно легче. Ольга постоянно шныряла по палатам, разыскивая, чем поживиться и подкормить друга, и возникала сразу после ухода Сони, ибо культурная супруга интеллигентного пациента её на дух не переносила и гнала, едва та, нарисуется в дверном проеме.

То и дело Василий тяжело и жалостно стонал, терзаемый болью и предчувствием преддверия неизбежности. Долгие стенания затухали лишь после того, как призванная на зов изведенных соседей дежурная сестра, вкалывала ему какое-то сильное обезболивающее. Тогда он снова на непродолжительное время обретал призрачный оптимизм, затихал и смиренно ожидал тот день, когда, наконец, сможет избавиться от всех мучений.

Время от времени Василий просил судно, но, как правило, слишком поздно. Матерясь, соседи кликали санитарку. Ждать ее приходилось долго, иногда более часа, а если неприятность случалась ночью, или поздним вечером, то и до самого утра. Одной справиться ей оказывалось невозможным, напарница не всегда имелась в наличии и зачастую помогать приходилось все тем же сострадательным соседям, которые имели возможность глотнуть свежего воздуха только по завершении долгой и утомительной процедуры смены

белья, когда скрипучая тележка санитарки уносила спертые ароматы в глубину темного коридора.

Монотонные стоны и зловонный дух, исторгаемый почерневшим телом Василия, являлись той главной неприятностью, что он доставлял окружающим своим близким присутствием. Из-за невыносимой вони окно в палату постоянно держали открытым, даже ночью, предоставляя свободный пролет неисчислимой стае безжалостных комаров. Одуревшие от обилия легкой поживы, они нестерпимо звенели над самым ухом Ивана Моисеича на протяжении первых дней, практически не давая возможности сомкнуть глаз. Остальные жертвы кровавого пиршества относились к своей участи на удивление спокойно, не придавая большого значения паре укусов, обнаруженных утром на месте, случайно вставленном из-под одеяла. Привычные к духоте и дурному воздуху, они заглушали ночные стоны соседа тонкими одеялами, намотанными на головы. Ближе полуночи все покрывали разно-тональные переливы храпа, извергаемые их обкусанными носами. Комары, то ли отяжелевшие от медикаментозной крови, то ли оглушенные храпными вибрациями, неспешно покидали обильное пастбище, и тогда Иван Моисеич имел возможность на несколько часов смежить утомленные веки до раннего утра, когда с первыми лучами небесного светила новая волна прожорливых кровопийц накрывала разоспавшихся аборигенов. Пикирующие прямо на ухо, они выдергивали притомленное сознание из непродолжительного сна, за-

гоняя жертву обратно под одеяло, и мучили, назойливо кружась над самой головой, пока, наконец, ближе с восьми утра спасительная сестра не выгоняла их прочь мощными запахами дешевой парфюмерии.

На третий день своего пребывания Иван Моисеич выдвинул идею натянуть на окно москитную сетку и обзавестись берушами. Его удивило то полное равнодушие, с каким встретили это предложение сопалатники. Однако, он настоял на том, чтобы Соня принесла все необходимое и наняла кого-нибудь, кто сможет произвести необходимые действия по установке. Деятельная супруга отыскала где-то в глубине больницы подсобное помещение с обитающим в нем плотником, внешне напоминающего одичавшего на острове матроса. Тот за малую толику соизволил согласиться осуществить «идиотский каприз больного» и вскоре, громыхая сапогами, влез на подоконник вооруженный страшного вида молотком.

– Вот! – победно воскликнула дежурная сестра, когда сетка заняла положенное ей место, и плотник покинул палату, – Теперь и мух будет меньше.

И это была сущая правда. Потому, что помимо ночных комаров, вездесущие мухи весело носились по палате круглые сутки.

– Замордовали аэровафли, – согласился с ней один из пациентов – молодой рабочий по имени Федор.

Если судить по характерным следам на его лице и нескольким сломанным ребрам, он пострадал от невоздержанности

многочисленных оппонентов в жарком диспуте по демографическому вопросу. Иван Моисеич с филологическим удовольствием старался понять и запомнить многие слова из его чрезвычайно сдобренного молодежным жаргоном лексикона. Именно от Федора исходила основная агрессия против Василия, направленная на прекращение присутствия грязного бомжа в одной с ним, работягой, палате.

После того, как в розетке стараниями Ивана Моисеича затеплился фумигатор, а его уши оказались опломбированы спасительными берушами, ночи стали проходить значительно спокойнее. Хотя на поведении соседей это ничуть не отразилось. Они по-прежнему предпочитали прятаться под одеялами. Видимо, сказывался выработанный условный рефлекс.

Самым старшим среди больных считался Егор Петрович, пожилой слесарь с одного из крупных заводов. Ему во время очередной поломки станка отхватило три пальца на правой руке. Его койка стояла возле окна слева, напротив Василия, и из всех травматиков он находился в наиболее привилегированном положении, так как мог свободно перемещаться. Но Егор Петрович большую часть времени проводил возле телевизора, просматривая все передачи подряд без разбору, не обращая особого внимания на то, что происходило в палате, и не докучая никому своими разговорами и жалобами.

Чего нельзя было сказать о соседе напротив, слева от двери. Тот не упускал случая навязать каждому свое общение. Все в палате звали его не иначе как Афоня. Он относился

к той части безработного населения, которая к труду особенно не стремится, промышляет случайными заработками и питает неискоренимую страсть к алкоголю, от коей, видимо, и пострадал, получив многочисленные ушибы внутренних органов и потеряв три передних зуба на нижней челюсти незадолго до поступления в больницу Ивана Моисеича.

Рядом с ним располагалась койка Степана, безголосого, тихого, по сути деревенского, прижимистого мужика, сорвавшегося с крыши своей дачи, где он осуществлял кровельные работы. Перлом голени левой ноги не мешал ему при помощи костылей довольно проворно перемешаться по палате и совершать более дальние вылазки к дежурному посту и в столовую.

Далее следовала койка Федора, а за ним лежал Михаил – еще один тяжело больной, уже довольно-таки давно обитающий в этой палате. Работая грузчиком, ему отдавало ступни ног слетевшим с такелажа контейнером. Себе на уме, немного угрюмый, явно ранее судимый он обладал большим влиянием на придурковатого молодого Федора. Запахи от Михаила исходили не менее приятные, чем от Василия, но это не ставилось ему в вину, и все охотно соглашались с тем, что отсутствие возможности умыться в жаркую погоду является недоработкой, прежде всего, лечебного учреждения. Правда, Михаил пытался преодолеть эту проблему при помощи дешевых дезодорантов. Но это только усугубляло ситуацию и усиливало парфюмерными примесями и без того сильные

ароматы.

Иногда, не чаще одного-двух раз в неделю, не более чем на три-пять минут Михаила навещала его совершеннолетняя дочь Ольга, высокая стройная девица с огромными черными глазами и вольной прической. Каждый раз при её появлении Федор начинал нервно ерзать и почесываться, а нахальный Афоня без умолку отпускать плоские, пошлые шутки, естественно не в ее адрес, но по поводу, главным образом, своего грустного одиночества. Обтянутые джинсами длинные стройные ноги и выпирающая из-под кофточки упругая, пухлая грудь порождали такие волнительные фантазии на вечную тему, что невольно хотелось распушить хвост и проклокотать призывную песнь любви.

«Леша непременно бы на карачках за ней ползал», – почему-то подумал Иван Моисеич. Ему всего два раза не долее пяти минут удалось лицезреть это творение Природы, но и этого вполне хватило, чтобы в полной мере осознать собственную ущербность. Особенно при данных обстоятельствах, столь унизительных и недостойных, угнетающих душу и без того ущемленную холодной безучастностью казенной обстановки.

* * *

Иван Моисеич не любил больниц. От них веяло безысходностью и моргом. Он не любил людей в белых халатах, за-

вешивающих ими свою индивидуальность. Закрывшись колпаками, очками и масками они расчленяли пульсирующую плоть и ставили странные химические опыты, пытаясь угадать, какой препарат вызовет меньше вреда при устранении обнаруженных симптомов заболевания.

Еще он не любил пролетариат. Он не понимал простых людей и никогда не знал о чем с ними можно поговорить. Они казались ему некими иностранцами, людьми с другой планеты, дикими аборигенами острова Тумба-Юмба, говорившими на ином языке и живущими по своими, не известным ему, правилам. В их присутствии он терялся, стесняясь проявить свои лучшие качества, опасался оказаться осмеянным, боялся нарваться на непонимание и животную грубость. Поэтому вынужденное пребывание в больничной обстановке и навязчивое присутствие в палате многочисленных представителей данного сословия с первого же дня сильно досаждало ему. И с каждым днем это тягостное ощущение только усиливалось.

В то же время соседи по палате, после активного вмешательства Сони в вопрос выдворения бомжа Василия, в большинстве своем прониклись определенным уважением к интеллигенту, случайно залетевшему в их общество. Они быстро пристроили к нему кличку «Ботаник» и особенно не прерывали его молчаливого уединения особенно в тех случаях, когда рядом не находилось деятельной супруги. Это позволило Ивану Моисеичу предаться некоторому осмыслению

случившегося с ним странного происшествия, найти убедительное объяснение которому он так и не смог, несмотря на все прилагаемые к этому возможности своего потрясенного сознания.

Странная происшедшая на его глазах трансформация не укладывалась в рамки ни одного из известных ему законов природы. Несомненно, он находился под каким-то воздействием, но под каким? Если бы он хотя бы до этого пригубил налитый чай, то тогда можно было бы предположить, что имела место ответная реакция организма на некое подмешанное в напиток вещество, повлекшая за собой мощный выброс психической энергии, заслонивший обыденное сознание. Иначе просто не могло быть. Иначе никакая сила не заставила бы его накинуться на пожилую, незнакомую женщину и произвести с ней постыдное совокупление. Причем, вот так, неистово, без перерывов, подряд, что совершить в нормальном состоянии он ни за что не смог бы без известного окончания данного процесса, случавшегося с ним всякий раз, как только стоило ему произвести больше десятка энергичных движений.

Но такого вещества не было. Во всяком случае, с чаем оно не могло попасть в его организм, ибо чая выпить он так и не успел. Следовательно, можно предположить, что имелся иной способ воздействия или иное время. Он помнил, что сидел на диване напротив окна. Вошла Аня с подносом в руках. Он помнил эти фарфоровые чашки и вазочки

с мелкими голубыми цветочками… Она села рядом. Он наклонился, убирая портфель на пол… Да, именно так. Портфель находился у него в руках и мешал. Поэтому он поставил его на пол, рядом с диваном. И тут, его охватило страшное желание.… Или это желание возникло раньше и он только ждал ее прихода?.. Конечно. Желание возникло значительно раньше. Именно поэтому он и держал портфель на коленях, прикрывая им свое страшное, неестественное возбуждение. А когда вошла Аня, то он просто больше не смог сдерживаться.… Но тогда, откуда возникло это желание? До того как он попал в эту комнату?.. А как он вообще туда попал?.. Этого он вспомнить не мог. Как не мог вспомнить, откуда появилась та, вторая женщина? Прямо под ним… Безумие…

«Неужели я превращаюсь с маньяка? – думал Иван Моисеич, – Неужели у меня проявляется раздвоение личности? Я становлюсь опасным для общества. Никогда не мог предположить, что со мной может подобное случиться. Значит, мне необходима психиатрическая помощь?»

Последнее предположение многое разъясняло в его странном поведении, и он стал постепенно склоняться в пользу данной версии, хотя признавать себя психически нездоровым сильно не хотелось. Против этого протестовал отточенный ум, привитое воспитание, взращенная культура и душа явно не соглашалась с несправедливым обвинением в своей ущербности. Не таков он был человек, чтобы опускаться до такого низкого состояния. Однако никакого иного вразу-

мительного объяснения, пока, не находилось и этот феномен продолжал оставаться неразгаданным и мучить Ивана Моисеича своей фантастической нелепостью.

* * *

К четвертому дню пребывания в больнице Ивану Моисеичу стало значительно лучше. Мысли о странном происшествии постепенно сменились новыми сюжетами из больничной жизни, гораздо более близкими его избитому телу, чем отдаленные страдания потрясенной души. Тем более, что все темы разговоров в палате так или иначе вращались вокруг еды и здоровья, иногда перескакивая с вонючего бомжа на женщин, столь необходимых здоровому мужскому организму, по большей части, в своем прикладном значении. Обычно под конец этих бравад Иван Моисеич отмечал, что если бы не сомнительный возраст некоторых его партнерш, то он мог бы всем этим молодым жеребцам дать сто очков форы. Это даже забавляло. И все случившееся обретало некоторое юмористическое звучание.

Каждое утро около восьми часов с побудкой являлась медицинская сестра и рассовывала всем холодные мокрые градусники. Минут через десять забирала их, и начинался очередной больничный день с привычными процедурами, уколами, приемами лекарств, пищи и посетителей. Новый виток монотонного больничного бытия ненавязчиво засасывал

трясиной глупых разговоров, пошлых шуток, плоских голосов телеведущих, агрессивных звуков рекламных роликов.

Иногда в палату случайно заходил доктор, в основном осведомиться относительно состояния здоровья Михаила. К его излечению он применил какой-то новый метод сращивания костей.

– Беспредел доктор, душилово, – тут же эмоционально восклицал Федор, указывая пальцем в сторону бомжа, на что доктор с неизменным спокойствием отвечал:

– Всему свое время. В морге запах значительно хуже, – и тем прекращал эту бесполезную дискуссию.

Обычно дольше одной-двух минут он в палате не задерживался, если конечно не приходил с утренним обходом в сопровождении стайки молоденьких практиканток. Это было самое любимое развлечение для большинства больных. Они с удовольствием демонстрировали молодым девушкам свои повреждения, лукаво подмигивая и недвусмысленно намекая на то, что главный орган совершенно не пострадал, и сейчас находится в отличном, работоспособном состоянии. После их ухода не меньше часа перемывались косточки каждой студентки, в деталях обсуждались все ее достоинства и недостатки. Если же какую-нибудь удавалось смутить, то это вызывало полный восторг и ее долго вспоминали, сопровождая скабрезными шутками и пошлыми фантазиями.

После завтрака все переключались на процедуры, обсуждение своих болячек и больничных новостей, услышанных

в процедурных кабинетах. Затем снова следовала еда, подаваемая с обедом и плавно перетекающая в жвачку, выплескиваемую с экрана телевизора. Это техническое приспособление оказалось настолько незаменимым и универсальным, что позволяло не только заглушать стоны ненавистного бомжа, но и давало богатую пищу новым бессмысленным разговорам, где каждый имел возможность вынести собственное суждение, самоутвердиться, проявить свою значимость, осведомленность и культуру.

В беседах возле телевизора время медленно подползало к ужину.

Иван Моисеич по возможности в разговорах участия не принимал. В местной больничной публике он видел по большей части людей случайных, не своего круга и поддерживать с ними отношения в дальнейшем не намеревался. Со своей стороны, они также, практически, не стремились вовлечь его в свою компанию, воспринимая как человека чужого и замкнутого. Но и не стеснялись его присутствия, обсуждая иной раз сокровенные интимные подробности своей личной жизни. Их имена Иван Моисеич специально не запоминал, а если какое и оставалось в памяти, так без особого труда с его стороны, как необходимая дань кратковременному знакомству. К их разговорам он также особенно не прислушивался, так как в основном они вращались в различных вариациях вокруг собственных болячек, еды, женщин и политики. При этом особенно любимым сю-

жетом оказалась именно политика. Ивана Моисеича удивляла незлобивая простота этих людей и оценка любых политических событий через призму прямой кишки. Если какое-либо решение не увеличивало нагрузки на пищеварительный тракт, то, соответственно, кто-то непременно прикарманил себе бюджетные деньги. А так как практически ни одно решение не влекло за собой приращения кормовой базы, то это только укрепляло убеждение в том, что государство устроено несправедливо, что им управляют одни воры, которые всегда будут там заправлять, потому что политика сама по себе дело грязное, и честному человеку, радеющему о пользе простых людей, делать в ней нечего. Они даже не допускали возможности каких-либо перемен к лучшему и полагали, что так мир устроен и так всегда будет.

– Петрович, барбухайку переключи, базар фуфлометов замучил, – ворчал Федор, слушая очередной репортаж из Государственной Думы, – Народ обнесли, теребиловкой обложили, телегу гонят, уши вянут.

Петрович щелкнул пультом. На экране замаячила взлохмаченная дама, изливающая потоки благодарности некоему Василию Кузьмичу.

«Благодаря доброте и щедрости Василия Кузьмича, – скороговоркой вещала она, – Наш детский дом сможет приобрести необходимые детские вещи. Эти деньги так необходимы особенно сегодня, когда государство не имеет возможности в полной мере обеспечивать нас финансированием».

На экране показалась ведущая и смущенное лицо этого Василия Кузьмича.

«Скажите, Василий Кузьмич, – обратилась к нему ведущая, – Не жалко вам расставаться с вашим выигрышем? Что на это сказали ваши родственники?»

«Да что там, – махнул рукой Василий Кузьмич, – Сначала ругались, конечно. Но я так решил. Они все при деле. Денег хватает. А мне на что? А детишкам какая ни на есть помощь».

«Вот так, благодаря бескорыстности наших людей можно рассчитывать на то, что детские дома смогут выстоять в эти тяжелые для них дни. Мы благодарим пенсионера Василия Кузьмича пожертвовавшего детскому дому двести тысяч рублей, выигранные им в лотерею „Русское лото“».

– Во, бабахнутый бабай, – возмутился Федор, – Тут как Карло за каждый боб на трех балабузов горбатишься. Телке манто к зиме не отмазать. А он такие бабки скинул. И все похрен.

– Да, так деньгами швыряться… – вздохнул Егор Петрович, – Мне бы такое выпало.… На что я теперь гожусь, без трех пальцев? Они меня всю жизнь кормили. Какой я теперь мастеровой? Инвалид я теперь. На пенсию жить буду.

– Теперь ты, батя, нищий, с такой клешней, – поддержал его молодой рабочий.

– Ой, что делается на свете, – покачал головой Степан, – Мне бы эти денежки… Земли бы взял… Трактор купил…

Сарайчик построил.… И на прицеп осталось бы…

– Я бы на них три года жил, – вздохнул Афоня.

– Это сколько можно было бы водки купить… – протянул Михаил.

– Ё, моё! – хлопнул себя по лбу беззубый тунеядец, – Вагон!

– Мозги парят. Бабай этот – безмена батон, верняк. – предположил Федор, – Лучше бы богадельню бичам заманд-рячил. Не пришлось бы всех в одной хате душить.

– Теперь все равны. Демократия, – съязвил Афоня.

– Дерьмократия, – поправил бывший уголовник с отдавленными стопами.

– Дерьма кругом столько ступить негде, – проворчал старый рабочий.

– Зафига всех в одну хату пихать, – взвился молодой, – Бичей отдельно держать надо – на зоне. Им тут не место. Я вот не могу жить на аске и ботлах, тусоваться с синяками и охотиться на бекасов. Для меня это театр карликов. Мне надо тачку, дачку, денег пачку. Вот это атас. Я воркаю как Карло, эксклюзив штампую. За мной три толстых балабуза ползают. Друг у друга переманивают. А он бич пустой, коцаный. Если я воркаю, хату имею, герлу с короедами, то у меня и прав должно быть больше, чем у него, который, шарится по помойкам. Если они живут за мой счет, то и зависеть должны от меня, а не решать вместе со мной, как равные мне, – выпалил Федор и сам удивился стройности своей мысли.

– Интересное суждение, я бы даже сказал оригинальное, – подколол Михаил, – Тебе Федор в депутаты идти надо. Ты бы произвел на общество большое впечатление.

– Сам иди в фуфломёты. У меня от их базара зубы сводит, – отмахнулся тот.

– Вот раньше, бомжей в тюрьму сажали. За тунеядство. И правильно делали, – заметил Егор Петрович.

– Это когда же? – оживился молодой пролетарий.

– При нормальной власти. При коммунистах, – пояснил Егор Петрович.

— Вэри клево, – согласился Федор.

– При коммунистах вообще все было правильно. Рабочий человек имел полное к себе уважение, получал за свой труд справедливо, – уточнил старый рабочий, – В больницах был порядок, надлежащий уход и питание. И вообще, общество было единым, целеустремленным, без всяких там опереточных партий и политических движений.

– А кто был не согласен со светлым будущим и не горбил на благо коммуняк, того шлепали, – поправил бывший уголовник, – Народу перегрохали больше, чем за все войны вместе взятые.

– Глупости и демократическое вранье, – возразил Егор Петрович и насупился, вперив взор в мерцающий квадрат телевизионного экрана.

– Заколбасить бича, клево, – мечтательно протянул Федор. – Достали, до блева. Утром продерешь глаза, а за окном

бичи уже телевизоры свои из бачков наводят. Вечером наворкаешься, хиляешь до барака в тоске, в лабазе точива короедам нароешь, в коробочке весь аул едет, еле встиснешься, не продохнуть, а бич блевый притиснется и дует в торец. Так и заколбасил бы гада, да качуматор не позволяет. Бичей стало как грязи. – Федор в сердцах сплюнул на пол, но поймал на себе осуждающий взгляд Михаила и тут же извинился, нагнулся и стер ладонью плевок с линолеума, после чего грязно выругался и направился к умывальнику.

И словно вдогонку его мыслям бомж Василий громко застонал и произвел громкий и продолжительный звук, явно свидетельствующий о его нездоровом пищеварении.

– Простите, мужики… Не утерпел, – облегченно вздохнул он.

Едкие пары сероводорода накрыли разгоряченное сознание молодого рабочего и достигли даже самых отдаленных уголков палаты.

– Западло… – оценил Михаил возникшую ситуацию.

— Замочу падлу, – выпалил Федор, хрустнув сжатыми кулаками.

– Мужики, простите… Живот пучит… Сил нет… – извинился Василий.

— Няньку звать надо. Ща обгадиться, – сообразил Афоня.

– Не успеет, бичара, – сквозь зубы процедил пролетарий, угрожающе надвигаясь на Василия с явным намерением один ударом покончить с ненавистным соседством.

– Изнемогаю.… Разваливаюсь… Больно… – застонал Василий, – Жить больно… Терпеть больно… Хоть убей меня… Все одно – помирать… Простите, мужики… Доконали лепилы… Просил, не старайтесь.… Бросьте у дороги… Скорее бы помер… Так нет… Опыты стали ставить… Сволочи…

– Ишь распелся, бомжара. Нагадил, теперь извиняется. А нам нюхать, – подначил Афоня.

– Жизнь кончена… – продолжал бомж, – Говорить больно… Изломан весь… Гнию… Не мучай меня, Федя… Бей… Ты сможешь… Отпусти душу мою… Намучился я… Терпеть, сил больше нету… Так что… помирать больше не страшно… Совсем не страшно… Я хочу… А она медлит… Все ждет.… Поторопи ее, Федя…

Федор завис над Василием с занесенной над ним кувалдой рабочего кулака в полной нерешительности, что ему делать. Если бы проклятый бомжара визжал от страха и молил о пощаде, то он бы ни на минуту не задумываясь вломил бы ему по морде с полным своим наслаждением. А так, выходило, будто он идет у него на поводу, выполняет, можно сказать, его желания, делает ему одолжение, почти подарок, чего допустить со своей стороны он никак не мог. Эта оказывалась уже не победа, а вроде как, поражение, как признание его превосходства над собой, в общем полная ерунда.

– Что медлишь?.. – стонал Василий, – Не бойся.… Стукни разок… посильнее… Ты сможешь… Будь другом…

– Да, пошел ты… – выпалил окончательно обескураженный мужик и смущенный отошел от его койки.

– Больно, мужики, очень… – вздохнул переломанный, – Стой… На что бросил?.. Трус ты… Федя… Горлопан… Хуже Афони… Тот трезвонит, а ты обнадеживал…

– Да я тебя… – взвился снова молодой рабочий, но былой запал уже стух и он снова обвис, понимая, всю бесполезность дальнейшей дискуссии.

– Нянечку звать надо, – повел носом Афоня, явно улавливая новые нехорошие запахи, исходившие от койки больного.

– Не стерпел, мужики… обделался, – признался тот, – Не гожусь для жизни… Ни на что больше… не гожусь… По кускам склеен… Разваливаюсь… А этот… мучитель… трус… трепач… пустомеля…

– Заткни варежку, бичара, – огрызнулся молодой рабочий.

– Тошнот тощий… – напирал Василий, надеясь еще раз раззадорить противника, но авторитетный Михаил тихо срезал:

– Проглоти аскарбинку, сядь и усохни. Пускай треплется.

Федор опустился на койку и, сверкнув глазами, матерно выругался:

– Еще посчитаемся, – в завершении процедил сквозь зубы.

– Серьезные дела с наскока не делаются, – молвил бывший

уголовник.

– И что делать будем? – выскочил вперед Афоня, – Нянечку звать будем?

– Ну, не рудой задыхаться? – ответил Михаил и тот поскакал по коридору в поисках медицинского персонала.

– Опять… день спортил, – простонал Василий и полностью обессиленный, ушел в очередную отключку.

– Оставьте мужика в покое. Не по-христиански это, – заключил Егор Петрович.

– Вот как? Коммуняки уже в Христа верить стали? С каких это пор? – съязвил бывший уголовник.

– Одно другому не помеха, – возразил старый рабочий, – Вся идея мирового коммунизма на христианстве основана. Одни корни имеет.

– Стало быть, конкурентов своих устраняли, когда попов к стенке ставили? – подколол Михаил.

– Перегибы во всяком деле случаются. Ошибки признали. И хватит об этом, – отрезал Егор Петрович. – А над человеком нечего измываться. И без того битый.

– Жалостливый какой. Доходягу жаль стало. Тебе бомжей на улице мало? – возразил бывший уголовник.

– Я ему не судья. Я ему и не палач. Сам жил как знал, сам пусть и помирает, как знает, – заключил Егор Петрович.

– Так, он, гад, воняет, – не выдержал Федор.

– Вонь – не огонь, терпеть можно, – поддержал Степан старого рабочего, – Раз дело такое, что без вони нельзя, то

можно и потерпеть. Поди, не отравимся. Лично я человек не гордый. Раз он такой больной, что без вони никак ему не прожить. Не нарочно же он воняет. Болезнь такая. Значит, так надо. Человек без вони не может. Организм, понятное дело, воняет, если он не здоров. На то она и больница. Я так понимаю. Лично у меня других забот много. Мне дом ремонтировать надо. А я тут лежу, как дурак, без дела. У меня сад без ухода оставлен. Лето в разгаре. Поливать надо. Как без меня жена управиться? Дети помогут?.. Что им, до наших земельных пустяков.

Михаил не стал больше обсуждать этот вопрос, закрылся газетой и ушел в изучение криминальной хроники.

К Ивану Моисеичу в очередной раз пришла жена, изрядно взволнованная и с большой порцией свежих фруктов. Народ тут же воткнулся в телевизор.

– Представляешь, дядя Яков, брат жены дяди Бори, едва не сошел с ума, – выпалила она, едва переступив порог палаты, сразу переключив на себя внимание всей присутствующей публики, – Он был у нас три дня назад, проездом. Он, вообще, в последнее время, много ездит. Ты помнишь дядю Якова?

Она высыпала содержимое пакета прямо в раковину, пустила мощную струю холодной воды и села рядом на стул, отдышатся.

– Честно говоря, нет, – болезненно сморщился верный супруг, но получив дежурный поцелуй в щеку, вынужденно

улыбнулся.

– Я тебе про него рассказывала. Он врач. У него своя клиника в Саратове. Вспомнил? – она встала к раковине и стала мыть фрукты.

– У тебя много родственников.

– Так вот, этот самый дядя Яков проездом остановился в нашем городе. И остановился, где бы ты думал?

– Видимо у дяди Бори.

– Нет. Совсем не у дяди Бори. Если бы он остановился у дяди Бори, то с ума сошла бы тетя Лиза. Он остановился в гостинце «Адмиралтейская».

– Какой удар родственникам.

– Ты напрасно смеешься. Ты еще ничего не знаешь. Так вот, дядя Яков остановился в гостинице «Адмиралтейская». Ты представляешь, какой это отель? Какой сервис, какой уровень. Какие цены! Ему дали роскошный номер. Не потому, что дяде Якову некуда девать деньги. Дядя Яков вынужден был так сделать потому, что он уважаемый человек. Он приехал на симпозиум. На какой-то важный симпозиум каких-то там врачей, который проходил в этом отеле. Он лег спать. А что ему еще ночью делать с дороги, как не лечь спать. И, вдруг, ночью к нему в номер врываются милиционеры. Много милиционеров. Десятка два милиционеров. Все с пистолетами. И все ищут дядю Якова. И где бы ты думал, они его находят?

– В кровати. А где же еще может быть ночью дядя Яков?

– Нет, совсем не в кровати. Они находят его на карнизе, за окном, на карнизе четвертого этажа этой самой гостиницы. И, представь себе, в одной пижаме. И это вовсе не шутка, – Соня вывалила на одеяло мокрую кисть красного винограда.

– Может быть, он получил счет из ресторана? – пошутил Иван Моисеич.

– Ты напрасно смеешься. Он был в одной пижаме, на карнизе четверного этажа и один Бог знает, как он оттуда не сорвался.

– Может быть, он решил прогуляться?

– Я вот тоже знаю один случай про лунатика… – попытался включиться в разговор тунеядец Афоня к этому времени вернувшийся в сопровождении двух санитарок с большой охапкой сомнительно чистого постельного белья. Соня, не любила когда ее перебивают, особенно посторонние, мало знаковые ей люди и потому сурово и бескомпромиссно отрезала:

– Если бы дядя Яков захотел прогуляться, то он вышел бы на улицу, как это делают все нормальные люди, – она сунула Афоне в руку здоровенное яблоко, дабы тот заткнулся и больше не прерывал ее, и продолжила, – Он вовсе не лунатик, как думают некоторые. Он совершенно нормальный человек. Он врач и все свои болезни знает лучше кого бы то ни было. У него своя клиника в Саратове. И вдруг такое… Он просто был вне себя. Он ничего не мог понять. Это было,

как сон. Можно было подумать, что он сошел с ума.

– Видимо не все свои болезни он знает одинаково хорошо, – вставил Иван Моисеич, отщипнув очередную виноградинку и отправляя ее в рот.

– Эта была не болезнь. Если бы это была болезнь, то все было бы не так страшно, – Соня набрала в пакет свежевымытых яблок, и стала обходить палату, угощая поочередного каждого ее обитателя, включая тихо матерящихся санитарок, осуществляющих сложную процедуру смены белья и подмывания изрядно испачкавшегося Василия. Те не преминули воспользоваться угощением и отправили по яблоку в свои широченные карманы, натянуто улыбаясь широкими, красными лицами.

– Во всяком случае, он был бы один, понимаешь? – продолжала тем временем она свою историю, – Один на один со своей болезнью и все можно было бы этим объяснить. Но он был не один. Не один, представляешь?

– А с кем? С женщиной? – поинтересовался спутник ее жизни.

– Нет. Совсем не с женщиной. У некоторых людей на уме одни женщины. Как будто кроме женщин никого нет на Свете… – Соня сунула мужу фрукт в руку, и тот впился в него зубами, – Если бы он был с женщиной… это хоть как-то все объясняло. Нет. Он стоял с тремя неизвестными мужчинами. Совершенно незнакомыми ему мужчинами из соседних номеров. Иностранцами. Один точно был иностранец, пото-

му что был негром. Причем все были в ночных пижамах и тоже ничего не понимали.

– Странно… Чем же они там занимались? – многозначительно подмигнул левым глазом заинтригованный супруг.

– Более чем странно, – согласилась жена, не придав призрачному намеку никакого значения, – Четыре мужчины, в ночных пижамах, на карнизе четверного этажа, такого фешенебельного отеля, стоят, как памятники и их оттуда снимает милиция! И среди них дядя Яков. Но, что самое ужасное, так это то, что то же самое было и с предыдущими постояльцами. Представляешь? Из этих же самых номеров. Буквально за ночь до этого. Все было точь-в-точь, как с дядей Яковым. Только гораздо хуже.

– Вот как? – удивился Иван Моисеич.

– Именно. Гораздо хуже. В гостинице теперь только об этом и говорят. Когда бедный дядя Яков пришел в чувство, ему рассказали, что за день до него точно так же ночью сняли с карниза трех иностранных туристов. С этого же самого карниза, практически в то же самое время. Только те не только стояли, но еще, спустив с себя брюки, демонстрировали всем соседним домам вдоль всей набережной свои возбужденные пенисы. Представляешь? Что было бы с дядей Яковым, если бы милиция вовремя не сняла его с карниза? Он же ничего не понимал. Он же мог поступить точно так же, как те несчастные люди. Это был бы такой скандал, что просто страшно себе представить.

– Действительно странный случай, – согласился заинтригованный муж и тут же спросил, – Когда, ты говоришь, все это произошло?

– Я же тебе сказала. Следующей ночью, после того, когда ты не пришел домой. Через сутки после того, как ты, как ты говоришь, гулял со своими приятелями или с кем там еще, не знаю, если так тебе будет более понятно. Тетя Лиза настояла на том, что бы дядя Яков непременно приехал и рассказал все подробно. Дядя Боря, как мог, успокаивал дядю Якова. Но тот был так расстроен, что едва выпил две чашки чая и сразу же уехал к себе домой. Я вчера ему позвонила, рассказала о тебе, он пообещал помочь. Как ты думаешь, что это могло быть?

– Куда входили окна его номера? – поинтересовался он.

– Дядя Яков сказал, что перед ним были дома, выстроенные вдоль набережной. На набережную Фонтанки окна и выходили. Там столько домов. Один Бог знает, кто там живет, и кто мог быть свидетелем этого безобразия. Хорошо если никто не успел сфотографировать дядю Якова. Дядя Боря говорил, что у дяди Якова столько врагов, что даже страшно себе представить. Если завтра появится его фотография в газетах, то это может сильно испортить его репутацию. Представляешь, милиционеры два часа допрашивали его, как преступника! Они даже сняли с него отпечатки пальцев. Врачи принимали у него анализы. На него смотрели, как на сумасшедшего.

– Может быть, он съел что-нибудь? – предположил Иван Моисеич.

– Дядя Яков сказал, что ничего не ел на ночь. А то, что он ел, никак не могли съесть те трое из соседних номеров. Во всяком случае, когда он обедал в поезде, то этого негра рядом с собой не видел.

– Мистика, – глубокомысленно заключил озадаченный спутник ее жизни.

– Тебе смешно, а у человека горе. Ему навредили самым бессовестным образом, а он не знает, кто и зачем. Тех троих иностранных туристов, что стояли на карнизе до дяди Якова, говорят, чуть не посадили за хулиганство.

– Остается одно – локальное кратковременное массовое помешательство, – заключил Иван Моисеич. Странный случай происшедший с дядей Яковым настолько сильно его заинтересовал, что он даже приподнялся на кровати.

– Такое бывает? – удивилась Соня.

– Еще как бывает… – подхватил Афоня, но ему не дали закончить.

– Ты говоришь, они полностью не понимали, что делают? – уточнил муж.

– Вот именно. Совершенного ничего не соображали, – ответила жена.

– Все трое находились в разных номерах, окна выходили на набережную Фонтанки, на одном этаже гостиницы «Адмиралтейская», в следующую ночь, когда меня не было до-

ма?

– Все так и было, как говорил дядя Яков, – подтвердила она.

– Невероятно, – Иван Моисеич откинулся на спину и закрыл лицо руками. Страшное предположение, словно молния поразила его. Удивительное совпадение времени, места и образа действий не могут являться результатом случайного стечения обстоятельств. Во всем угадывалась чья-то воля, чье-то злонамеренное влияние, способное перевернуть сознание нормального человека, направить его в русло дурных поступков. Но кто или что могло столь мощно воздействовать на людей? Аномалия или нечто иное?..

Санитарки, тем временем, закончили возиться с Василием и вкололи ему очередную порцию обезболивающего. Тот, едва придя в сознание, сразу затих, погрузившись в полузабытье. После чего, они собрали грязное белье в пластиковый мешок и покинули палату.

– Я знаю, чьих рук это дело, – неожиданно заявил Афоня, подсаживаясь ближе к фруктам, когда толстые их зады погрузились в глубину коридора, – Я сам живу в доме напротив гостиницы «Адмиралтейская».

– Да ну? – удивился Иван Моисеич.

– Точно. Темное место. Ты думаешь, я от чего пострадал? От того… от ведьмы, – тунеядец округлил глаза для большей убедительности и выжидательно замер.

– От какой это ведьмы? – заинтересовалась Соня.

– От самой, что ни на есть настоящей, живой ведьмы, – ответил тот и обвел публику многозначительным взглядом.

Иван Моисеич с нескрываемым интересом ожидал дальнейших пояснений, но приземленный Федор махнул рукой и заключил:

– Брехня все.

На что Афоня пожал плечами, скривил ухмылку и сказал:

– Я знал, что мне никто не поверит.

И все на этом бы и закончилось, если бы Иван Моисеич вовремя не проявил инициативу.

– Чрезвычайно интересно, – воскликнул он, – В наше время встретить настоящую ведьму, это огромная удача.

– Тебе такую удачу на твою задницу, – тут же отреагировал Афоня, – Если бы не эта сука, я бы сейчас… здесь не валялся бы. Что б ей сдохнуть.

– Неужели это она вас повредила? – удивилась Соня.

– А кто же еще? Она, конечно, – подтвердил наглый травматик, – Скажи кому, не поверит.

– Чрезвычайно интересно, – повторил Иван Моисеич и добавил, – А как не поверить, если такие вещи происходят, что по-другому их и объяснить невозможно. И главное в одном месте, – и тут же поправился, – Эти иностранцы на карнизе, дядя Яков. И вот с Афоней не понятно что…

– Да, – поддержала Соня, – Вы бы нам рассказали. Что с вами случилось?

– Ладно, – смягчился тот, – Только, чур, не смеяться. Я

этого не люблю.

Он уселся поудобнее и начал:

– Сам я живу по соседству с домом, что стоит напротив гостиницы. Гостиница эта стоит на другой стороне канавы.

– Простите, какой канавы? – перебил его Иван Моисеич.

– Ну, этой, Фонтанки, какой же еще? Как из двора выходишь, ее сразу видно. Справа за углом, наша котельная, во дворе. Недавно, дня два до этого, я устроился истопником. К зиме её, стало быть, готовить. Чистить, чинить и все такое. К вечеру, после работы, как положено, купил с аванса беленькой и решил к другу зайти, к Кирилычу, в шестую квартиру, чтобы это дело, как следует, и, как у нас принято, по-людски, так сказать, отметить. Захожу в подъезд, чинно, спокойно. Мог бы и со двора зайти, со стороны кухни. У них вход есть отдельный, вроде как черный, для своих. С него заходить сподручнее. Не надо дерьмофоном звенеть. Но я парадного пошел. Как люди. Праздник все же. Чем мы хуже? При бутыле, все как положено. Дерьмофон этот ихней я давно освоил. У меня на него свой метод имеется. Вхожу, стало быть, в подъезд, уже, можно сказать, к самой квартире подошел. Он на первом этаже живет, как, вдруг, дверь распахивается и из нее выскакивает она, ведьма, а вслед за ней вылетают три черта. Здоровенные такие, с собаку ростом.

– Так уж и черта? – засмеялся Федор, – Телегу гонишь.

– Я же сказал, будете смеяться, рассказывать не буду, – надул губы рассказчик.

– Он больше не будет. Он не нарочно. Правда, Федор? Скажите, что больше не будете смеяться, – вступилась Соня.

– Да, я что? Я ничего. Байка, как байка. Текстуй дальше, – отмахнулся молодой рабочий, показывая свои ровные крепкие зубы.

– И что было дальше? – поддержал Иван Моисеич. – Вы сказали, выскочили три черта.

– Именно, три черта, – утвердительно подчеркнул Афоня, – Не свиньи, ни кролика, а именно в натуральную величину три черта. В полном своем обличии, как есть – с хвостами, рылами, копытами и шерстью. Один за другим с визгом и жутким грохотом. Меня чуть Кондрат не схватил за самые яйца. Ой, простите, сгрубил, – галантно извинился перед присутствующей дамой.

– Здоров баки втирать, – снова усмехнулся Федор.

– Я втираю? – встрепенулся Афоня, словно его задели за больное место – Да что б мне сдохнуть, если я вру!

– А кто не хочет слушать может телевизор смотреть, – строго выговорила Соня, – Продолжайте, Афанасий, не обращайте внимания на невоспитанных людей.

Рассказчик облегченно вздохнул и продолжил:

– Вот, как вас сейчас вижу, так и их видел. Как выскочат, как на меня ринуться. Один мне сразу на голову прыгнул. А ведьма кричит: «Хватай его! Держи, крепче! Сейчас я его ковшом шваркну!» Ну, тут признаюсь, я, мужики, струхнул. Как стоял, так вместе с чертом на голове обратно через же-

лезную дверь на улицу и вылетел. А там, через дорогу, хорошо, не сшиб никто, прямо в канаву. Хорошо мелко там, а то бы утоп. Вот, бока отбил, штаны порвал, три зуба выбил. Вот так, – показал всем свою щербатую челюсть, – Да, что б я сдох, если вру.

– Откуда они взялись, черти? – удивилась Соня.

– От нее, от ведьмы, – пояснил пострадавший и добавил, – Из шестой квартиры.

– Они там кантуются, что ли? – еле сдерживая себя от смеха поинтересовался Федор, бросая косые взгляды в сторону Сони.

– Дурак, – парировал Афоня, – Их ведьма на меня наслала. Каждый раз как не приду к нему, к Кирилычу, все талдычит в коридоре и талдычит. Талдычит и талдычит. Вот и доталдычилась.

– Что значит талдычит? – поинтересовался Иван Моисеич.

– А черт ее знает, – пожал плечами рассказчик, – Бубнит что-то такое «бу-бу-бу», да «дым-дым-дым». Ее не разберешь, ведьму. Талдычит, да ругается. Не нравится ей, что я к нему, к Кирилычу, в гости захожу часто.

– Это что, телка корефана твоего, что ли? – уточнил Федор.

– Не дай бог с такой телкой знаться, – срезал Афоня, – Тебе ее в постель, что б всю жизнь с ней барахтался. Ясное дело соседка его, подлая ведьма. Кондрат ее забери. Жена то

у него, баба нормальная, с пониманием. Хотя, она ему не жена, а сожительница. Но считай, что жена. Иной раз и сама предложит. Особенно если по празднику. А эта, тварь, все талдычит да талдычит. Что б ей сдохнуть. Вот выйду, башку ей паршивую обязательно оторву, суке.

– Откуда известно, что она ведьма? – спросил Иван Моисеич.

– А кто же она еще? Кто чертей на меня натравил. Кто кричал «Держи его!» На кого, спрашивается, они выскочили? На меня. От кого, спрашивается? Ясно дело – от нее. Не от другана же моего, Кирилыча. И не от Верки, жены его. И не от соседей этажом выше. Кроме нее, больше не от кого. К тому же она давно грозилась меня, Кирилыча и Верку из квартиры выкинуть. Вот и напустила чертей. Ясно, как божий день.

– И куда они потом делись? – осведомился Иван Моисеич.

– А черт их знает куда. К себе, наверное, убежали, в Преисподнюю. Откуда выскочили, туда и убежали. Сделали свое черное дело и смылись. Головой я об камень стукнулся сильно. Помню, когда меня их канавы вытащили, все кругом бегали и кричали. Громко так, кричали: «Откуда черти взялись? Откуда черти взялись?». Не один я этих чертей видел. Вот что я вам скажу. Многие их видели. Все, кто в это самое время был – все видели. Потом, когда меня уже на носилках несли, про нее говорить стали. Что, мол, это ее черти и, спрашивали ее, зачем, мол, она их по всему дому распу-

стила? «Распустила чертей по всему дому!» – кричал кто-то. И она, ведьма, все извинялась. «Простите, – кричала, – Больше не буду!». Вот так. – рассказчик удовлетворенно кашлянул и вдогонку своему несомненному успеху добавил, – Кирилыч с женой своей Веркой часто мне говорили, что она не нормальная. Живет одна, мужики к ней не ходят, водку не пьет, чем занимается не понятно. И все время талдычит. Кто, спрашивается, она после этого? Ясное дело – ведьма. Раньше мы думали, что она просто баба с приветом. А теперь, все встало на свои места. А тут еще ваш дядя в гостинице… Кто, спрашивается, это с ним сделал?.. Выйду отсюда, обязательно башку ей снесу.

– Значит, она живет в шестой квартире на первом этаже дома по набережной Фонтанки? – уточнил Иван Моисеич.

– Только числится он не по канаве, а по Комову переулку. Угловой дом, стало быть, – ответил Афоня.

– А как зовут эту соседку? – поинтересовался Иван Моисеич, – Не Аня?

– Почему именно Аня? – насторожилась Соня.

– В газете писали, целительница такая есть, экстрасенс, – соврал с ходу супруг.

– Нет, не Аня. Клавка ее зовут. Кирилыч ее так и кличет – Клавка-Маклавка. А что? Познакомиться хочешь? – усмехнулся рассказчик, – Так это ты не успеешь. Я как выйду отсюда первым делом ей башку отчикрыжу.

– Вот глупости, – возмутился Иван Моисеич.

– Почему Маклавка? – удивилась Соня.

– А черт его знает… Кличет и все. Дразнит так. Сосед все-таки, ему виднее, – пояснил Афоня, – А ведьму как не клич, она все одно ведьмой и останется.

– А вы можете нам описать, как она выглядит? – попросил Иван Моисеич.

– Как выглядит? Обыкновенно себе выглядит. Как все бабы, – ответил Афоня.

– И все же. Есть у нее какие-нибудь особенные черты лица? Что-нибудь запоминающиеся во внешности? Чтобы, в случае чего, ее нельзя было спутать с другой женщиной, – настаивал Иван Моисеич, – Ну, к примеру, какой у нее рост, объем груди, цвет волос, разрез глаз и так далее.

– Прямо кино. Словесный портрет, что ли? – переспросил рассказчик.

– Вот именно, – подтвердил Иван Моисеич.

– Портрет дать можно, чего не дать? Я ее, суку, хорошо запомнил. Я ее узнаю, хоть она маску Чебурашки надень. Значится так, роста она вот такого, как твоя супружница, примерно, будет. Груди у нее поболе, в жо… то есть вот тут будет пошире, возраста постарше, так, примерно, годов на двадцать, волосы посветлее и покороче, морда пошире и пощекастее. На морде усики под носом, такие торчат черненькие тоненькие, как у старух бывает. Глаза злющие, круглые, темные, нос обыкновенный такой, не картошкой с бородавкой такой большой коричневой вот здесь, сбоку, на носу. Вот, все

готово, – довольный представленным портретом, он откинулся на подушку, предоставляя благодарным слушателям изливаться в аплодисментах.

– Не может быть? – вырвалось у Ивана Моисеича. Он даже побледнел, чувствуя, как гулко застучало в груди сердце от близкого разрешения той загадки, что мучила его столько дней, но вовремя спохватился и снова спросил, как можно спокойнее:

– А в какой день это все с вами случилось? Числа не помните?

– На работу я заступил десятого. Аванс получил тринадцатого. В тот же вечер пошел к Кирилычу. Стало быть, тоже тринадцатого, только вечером. А на следующий день – четырнадцатого, я уже был тут, – произвел сложный подсчет рассказчик.

– В ночь на шестнадцатое мы встречались с Витей. Утром по дороге на работу на меня напали. В больнице я оказался семнадцатого. В ночь на пятнадцатое все случилось с дядей Яковым. С Афоней – в ночь на тринадцатое. А с теми туристами – в ночь на четырнадцатое. Получается четыре дня подряд… – произвел подсчет Иван Моисеич.

– Почему четыре дня подряд? – снова насторожилась Соня.

– То есть три дня подряд, – поправился верный супруг, – Я говорю, что три дня подряд кто-то безобразничает. Один день с Афоней, на следующий день с туристами и через день

с дядей Яковым.

– Не кто-то, а ведьма из шестой квартиры, – уточнил Афоня, – Сука нечистая. Подожди, выйду из больницы, не сносить тебе плешивой башки.

– Башку сносить, это не правильно, это не по-христиански, – задумчиво произнес Иван Моисеич, – С ведьмами так не поступают.

– А что ж еще с ней делать? – изумился тунеядец.

– Наши деды не дурнее нас были. В давние времена ведьму сжигали на костре без пролития крови, – пояснил литературный редактор, – Иначе грешный дух ее просочиться в мир и будет вечно витать над землею, пока не переродиться в новую ведьму, еще более жестокую и страшную.

– Вот это здорово, – подхватил идею Афоня, явно представившей себе как будет гореть на костре ненавистная ведьма, – Вот это правильно. Вот это по-нашему…

– Главное, что не пролить ни одной капли крови. Главное, чтобы огонь испепелил ведьму дотла, – наставлял Иван Моисеич.

– А топка в котельной годиться? – вдруг осенило пострадавшего от нечистой.

– Если тело можно туда поместить, то почему бы и нет, – согласился интеллигент.

Разговоры о жестокостях и казнях, даже если они непосредственно относятся к ведьмам, а все женщины в той или иной степени, в силу специфики организации своей духов-

ной структуры, могут смело отнести себя к этой категории просвещенных личностей, не особенно приятны женскому слуху. Поэтому когда речь зашла о возможных способах возмездия и предотвращения дурного влияния, Соня посчитала, что на сегодня ее миссия окончена, поцеловала мужа и распрощалась с больничной публикой, предоставив Ивану Моисеичу возможность относительно спокойно осмыслить новую полученную информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.